

И Гамаюнов

Легко ли быть папой

И. Гамаюнов

Легко ли быть папой?

СОДЕРЖАНИЕ

Мужская доля. Вместо предисловия

"Семья всесильна!"

Нельзя? Почему?

Факт жизни

Расписание поступков на завтра

Несправедливость

Совсем другой человек

Именем любви

Смелость быть самим собой

Смотреть и видеть

Шаг из круга

Проблемная ситуация

В поисках истины

Чужая обида

Не ради похвалы

Счастливее нас

Еще раз про любовь

Вместо послесловия.

Педагогический опыт мам обобщается и распространяется во многих рассказах, очерках, радио- и телепередачах. А опыт пап? Он настолько мал, пропагандируется, что его как бы не существует.

В книге рассказывается невыдуманная история об одном начинающем отце, его успехах и просчетах в семейной педагогике

МУЖСКАЯ ДОЛЯ

Вместо предисловия

О воспитании, как и о любви, книг написано много. Видимо, потому что между тем и другим - прямая связь. Ведь венец любви - рождение нового человека.

Правда, как однажды заметил один мой знакомый, у которого растет беспокойный сын, венец этот время от времени становится терновым. Причем для обоих родителей.

Однако когда заходит речь о воспитании, папе почему-то отводят вторую или даже третью роль. Главной же оказывается мама.

На первый взгляд справедливо - она чаще общается с ребенком. Кроме того, ее, работающую, обремененную заботами о близких, о завтраках и ужинах, о чистоте в квартире и, наконец, о собственной прическе, можно без тени иронии назвать подвижником. Особенно в сфере домашнего труда.

Мамам при нынешних темпах жизни действительно приходится трудно. Но разве можно вслед за этим утверждать, как это делают многие, что папам легко?

Пап часто критикуют в статьях-раздумьях о воспитании за то, что они тратят досуг на домино, рыбалку, ремонт собственного автомобиля, а не на семейное общение. Их изображают в газетных разделах "Улыбка" отгороженными от домашнего мира этой самой газетой. Но давайте задумаемся, не скрываются ли за этими "улыбками" "невидимые миру слезы"?

Может быть, спрятавшись за газетный лист, папа молча подводит итоги очередного поражения на поприще родительской педагогики и отчаянно ищет выхода из критической ситуации?! И, не найдя его, бежит от семейной действительности в "домино", на рыбалку, под сломавшийся автомобиль...

Попробуем непредвзято взглянуть на создавшееся положение: педагогический опыт мам обобщается и распространяется в проникновенных рассказах, очерках, радио- и телепередачах, даже в песнях. А опыт пап? Он настолько мало пропагандируется, что его как бы не существует.

Перенять мамин опыт папы, как известно, не могут - у них в общении с детьми своя специфика. К тому же подавляющее большинство женщин в учительских коллективах, в среде воспитателей (от детского сада - до рабочего общежития) уже наметили в педагогической работе крен, называемый феминизацией... Можно ли допускать его и в семье?!

...Несколько лет подряд я бывал в обществе одного молодого папы, который делал все, чтобы не допустить такой крен.

Человек несколько педантичный и в то же время увлекающийся, он все значительные события в первые годы жизни ребенка заносил в дневник.

По этим записям можно проследить, как папа, попадая в непредвиденные ситуации, обнаруживает: мало лишь знать основные положения науки о воспитании, цитировать Макаренко и Сухомлинского. Нужно еще научиться строить свои отношения с маленьким, быстро меняющимся человеком.

То, что так ясно и просто рисовалось в воображении до рождения ребенка, с его появлением стало поворачиваться неожиданной стороной: импульсивные порывы растущего человека сменялись апатией, а столь милое родительскому сердцу послушание - приступами упрямства.

Трудные вопросы возникали на каждом шагу: что заставляет ребенка поступать наперекор взрослым? Можно ли считать нормальным бесконфликтное детство? Как, формируя непреклонный характер, научить состраданию? Мешает или способствует "допинг самолюбия" полному развитию творческих способностей? Умеем ли мы в детях любить не только собственное отражение, а еще и своеобразную неповторимую личность?!

Папа искал ответы. Ошибался. Делал нечаянные открытия.

Путь к родительской педагогике оказался очень нелегким.

Я уговорил своего знакомого поделиться опытом, отнюдь не всегда удачным, но в каждом случае по-своему полезным, с другими папами (а заодно и с мамами). Подготовил его записи к печати, дополнив их некоторыми своими наблюдениями.

Правда, опыт этот не для применения, нет. Для сопоставления. Для раздумья. Для поиска собственного варианта. Ведь не бывает одинаковых семей. И все молодые папы и мамы, воспитывая маленького человека, всякий раз по-своему переживают это труднейшее и, как впоследствии оказывается, счастливейшее время.

Время душевного и нравственного обновления...

Запись 1-я

"СЕМЬЯ ВСЕСИЛЬНА!"

О родительских надеждах
и первых сюрпризах

В холле ожидания-тишина. В открытую форточку слышно, как на улице, за двойными стёклами высоких окон, разбиваются об асфальт капли тающего на крыше снега.

Наконец, с оглушительным стуком распахиваются фанерные дверцы окна для передач. Девушка в белом халате называет мою фамилию. Подхожу. Встречаю пронизательно-испытующий взгляд.

- Кого ждете?-спрашивает, улыбаясь.

Интересно, который раз она проводит этот маленький эксперимент?!

- Сына...

Ну, понятно, ответ чаще всего бывает именно таким, иначе ее лицо не поскучнело бы почти мгновенно.

- У вас дочь, - сообщила она.

И зачастила привычной скороговоркой: рост... вес... самочувствие...

Прихожу в себя на улице. Так отчетливо представлялся сын, катающий на полу заводной автомобиль. А тут - дочь. То есть в перспективе - платица, оборки, куклы, капризы, кавалеры, родительские опасения, Дворец бракосочетания, новый паспорт и-внук (катающий автомобиль) с чужой, неизвестной мне пока, фамилией.

Нет, я, конечно, рад. Ощущение праздничности постепенно заполняет меня. Каких-нибудь пятнадцать шагов к телефонной будке, и я полностью осознаю случившееся: я-отец! Смешно, если смотреть со стороны, но я преисполняюсь гордостью. Как эта перемена важна, оказывается, для человеческого самоутверждения!..

Набираю номер. Трубку тут же снимает Максим Петрович.

Поздравляю его с внучкой и слышу, как у него гаснет голос. Его сменяет Вера Ивановна... Она шумно радуется, кричит: "А дедто внука ждал!.."

Немногословный и рассудительный, он однажды проговорился, что купил внуку этюдник - решил пристрастить его к своему увлечению. Вера Ивановна готовилась к ожидаемому событию по-своему: покупала "приданое", разглядывала и постоянно твердила дочери: "Ты не сиди, ты гуляй!" По вечерам на кухне пускалась в воспоминания - как ездила картошку копать, хотя и была в положении. Соседка-подселенка баба Глаша пронзительным голосом вторила ей:

- Года-то были послевоенные, тяжело жилось, не то что нынче, все кругом балуют детей.

- Они не забалуют, - насмешливо кивала в нашу с Валею сторону Вера Ивановна. - По книжкам собираются воспитывать...

Это наш дискуссионный конек. Вера Ивановна считает: двадцать лет работы в школе (ведет младшие классы) дают ей право с недоверием относиться к частым в последнее время разговорам и публикациям о воспитании. По ее мнению, они вносят только лишнюю нервозность в работу учителей.

- Уроки для ребенка - это работа, - говорит она, - а не развлечение.

- Нужно эту работу сделать увлекательной, - убеждали ее мы, - иначе принуждение лишит ребенка способности самостоятельно думать и действовать.

- Страх они должны иметь, - вклинивается в разговор баба Глаша. - А ежели нет у детей страха перед учителями и родителями, то и ведут они себя плохо...

Максим Петрович обычно в дебатах не участвует. Однажды только сказал:

- Надо во всех случаях быть человечным, тогда и ребенок вырастет человеком.

Словом, мы его очень ждали...

Сейчас, записывая все это, ставшее уже нашим прошлым, я слышу его легкое дыхание. Кровать стоит почти вплотную с письменным столом. Чтобы туда не падал свет, Валя накрыла настольную лампу пленкой. Сама она спит, но я знаю: достаточно в кровати небольшого шевеления, она тут же поднимется.

У существа, чье дыхание я слышу, оказались кривые ножки с гибкими, почти обезьяними ступнями. Я видел, как эти ступни, натыкаясь в хаотическом движении на висящие над кроватью игрушки, вдруг сжимались, словно пытаюсь схватить их.

А еще у него непропорционально большая голова, некрасивый беззубый рот и пронзительный голос. Когда его впервые развернули и в воздухе замелькали освобожденные от пеленок коротенькие руки, ноги, вместо ожидаемых родственных чувств я ощутил только жалость. И - боязнь за него: как бы не скатился, не упал.

Сегодня Валя подозвала меня: "Взгляни". Подошел, сел рядом. Лежащее в кровати существо, упакованное в пленки, молча, сосредоточенно смотрело на нас внимательным, даже, казалось, строгим взглядом. Взглядом наблюдателя.

- ...Не по себе становится, - призналась Валя. - Будто изучает нас...

Однажды он минут десять изводил всех пронзительным криком, причину которого мы, четверо, установить не могли. Вера Ивановна предлагала то соску, то погремушку, то брала на руки.

Через полминуты - снова крик. Подошел Максим Петрович.

Склонился, забормотал что-то успокаивающее. Его глуховатый голос звучал негромко и ровно. И человек замолк.

Может быть, он был чем-то встревожен?! Резким звуком (в смежной комнате включили телевизор), цветовым пятном (пестрое платье подошедшей Веры Ивановны) или неожиданным ощущением (из форточки пахнуло весенней сыростью).

Как бы там ни было, голос деда восстановил его душевное равновесие. Непостижимым для нас чутьем, не понимая ни слова, он все-таки уловил их смысл: мы рядом с тобой, мы - твоя защита, не надо тревожиться!

Да, мы убереем его, защитим, вырастим. Но не помешаем ли своей опекой приобрести необходимую жизнестойкость?

Пока в его жизнь придут друзья, книжки, детсад, школа, он проживет среди нас, четверых, целую эпоху! Причем самую решающую. Ведь именно в первые годы человек наиболее восприимчив. И потому семья всесильна! Только не все родители, знают об этом. Они у себя дома абсолютные творцы будущих бед и радостей своего ребенка.

Запись 2-я

Нельзя? Почему?

О творческих способностях

и запретах в воспитании

Телефон зазвонил не вовремя.

Ксенька как раз переползла диван и уже тянулась к белому проводку с розовым выключателем: сейчас сомкнет вокруг проводка миниатюрные пальчики, брякнет настенным светильником и ее сосредоточенно-экспериментаторское лицо засияет восторженно.

Но тут вошла Вера Ивановна:

- Тебя... Иди, я посмотрю за ней.

Мы так замечательно с ней работали! Я переносил ее в другой конец дивана, она, энергично работая локтями и коленками, пересекала его, жмурясь, гремела светильником, я опять хватал ее и переносил... С каждым разом она проделывала свой путь все сноровистее и радостнее, хваталась за проводок (выдернутый из розетки) все увереннее... А тут-телефон.

Он недалеко, почти у двери, в смежной комнате.

Ну да, конечно, кто же еще может звонить в воскресенье по служебным делам, кроме Вадима Николаевича! Голос - будто наждачной бумагой по трубке... Чертежи, "привязка коммуникаций", "по-новому нужно решить, а сроки жмут"... Руководитель у насдеповой, но чересчур поглощен работой; как-то позвонил мне в половине двенадцатого ночи, будучи уверен, что только девять вечера.

Сейчас я старался быстрее закончить разговор, так как за дверью слышал профессионально звучащий, учительский голос Веры Ивановны: "Нельзя это трогать! Ни в коем случае!"

Мне тут же представилось, как лицо Ксеньки мгновенно снова становится прежним, беспомощно удивленным и непонимающим, каким оно было несколько месяцев назад. Тогда она только начинала рассматривать свои руки, ноги, шлепать ладонью по игрушкам, по деревянным прутьям кровати. На каждую игрушку внимания у нее хватало самое большее на полминуты.

Немного дольше она могла слушать наши с ней-разговоры.

Ее, видно, здесь занимало меняющееся выражение лица и интонации. Позже, когда она стала ползать, у нее появился странный объект интереса - нитка на диванном покрывале.

Эту нитку она могла рассматривать и ковырять почти три минуты - срок для нее огромный! Вот тут уже ее лицо все чаще утрачивало свое беспомощно-удивленное выражение, становилось сосредоточенно-деловым. Сейчас у нее уже солидный исследовательский опыт: оторванная обложка книги, выковыренная затычка из надутого гуся (звук-"Пых!", изумленный вскрик) и наконец-настенный светильник.

Вадим Николаевич говорил что-то об ошибке в расчетах, а за дверью уже слышался тревожный писк, заглушаемый отчетливо звучащими словами: "Нет, Ксюша, не надо! Вот,

смотри, какая интересная игрушка!"

Когда я положил трубку, в соседней комнате писк сменился громким ревом. (Удивительно, такое маленькое, почти невесомое существо и такой мощный басистый звук! Даже в комнате соседки бабы Глаши слышно.)

Вхожу. Вера Ивановна трясет давно уже надоевшей Ксеньке погремушкой у ее искаженного плачем лица, сердито приговаривая:

- Избаловали девчонку. Все ей позволяют!

Из ванной, бросив стирку, прибежала Валя. Пришел Максим Петрович, оторвавшись от разобранного до последнего винтика фотоаппарата.

- Разве можно так воспитывать?! - продолжала возмущаться Вера Ивановна. - Совсем не приучаете ее к слову "нельзя".

- И не надо пугать ее этим словом, глушить естественную любознательность, - разразился я очередной тирадой. - А то сейчас глушим, потом в школе удивляемся, почему у детей интереса к учебе нет.

Ксенька на руках у Вали отвлеклась: по щекам еще слезы не сбежали, а уже сосредоточенно теревит мамкин нос.

- Она же никого слушаться не будет.

- Вот и хорошо, пусть своим умом живет.

- Да нет у нее еще своего ума!

- И не будет, если без конца одергивать.

- А если волю дать - будет?! Она такое вам натворит...

Кого из нее хотите вырастить - вы подумали?

Мы, конечно, об этом подумали. И - давно. Б запальчивости я немедленно изложил нашу программу воспитания не потребителя, не приспособленца к обстоятельствам, а человека, способного исследовать обстоятельства и преобразовывать их... Словом -личность творческую!

- ...Чтобы витала в облаках, как и вы оба, - подвела черту нашей дискуссии Вера Ивановна, уходя из комнаты.

- Вы, главное, не горячитесь, - сказал Максим Петрович нам с Валею, подмигнул Ксеньке и пошел к своему фотоаппарату.

В дверях он столкнулся с бабой Глашей. Она, жмурясь в улыбке, тонким голосом запричитала.

- А я думала, уж не стряслось чего, такой крик. Ох, горластая девка растет, покою от нее ни ей самой, ни другим не будет.

Да сейчас все они нервные: в школу бегом, из школы бегом.

Куда торопятся? Вся жизнь еще впереди...

"Ну, положим, уже не вся, хоть и малая часть, но прожита, - подумалось мне тогда. - Шаг к самостоятельной жизни сделан".

Какой она у моей дочери будет?...

Запись 3-я

ФАКТ ЖИЗНИ

О медведе в берлоге,

играх всерьез

и пробуждении

самосознания

Это было неправдоподобно.

Я даже не сразу понял, что случилось.

Ксения, сидевшая на диване (она уже давно ходит и немного разговаривает), вдруг сморщившись в плаксивой гримасе, сказала:

- Хочу домой.

- Ты же дома!

- К маме и папе, - продолжала она, начиная реветь.

- Да ведь я твой папа!

Осторожно притрагиваюсь к ней, глажу по голове, успокаиваю. В дверь заглядывает Вера Ивановна: "Что тут у вас?" За ней маячит Максим Петрович. Оба встревожены.

Еще бы! Так спокойно шпа игра. так звонко лопотала их внучка, и вдруг -рев. Пытаюсь объяснить: я был медведем, она - Машей. Она подметала берлогу, варила похлебку, потом медведь ей сказал, что насовсем осгавит ее у себя. Заплакала.

- Да разве можно детей пугагь? - выговорила мне Вера Ивановна.

Нельзя... Конечно, нельзя.. Я соглашаюсь и не могу опомниться: Ксенька же смотрела на меня, видела мое лицо, понимала, что я - папа, что мы играем! Неужели можно вот так, в городской квартире, подметая воображаемым веником паркетный пол, вдруг подумать, что ты в какой-то там берлоге, в глухом лесу, а человек, сидящий на диване, вовсе не папа, а медведь, сошедший со страницы Сборника сказок?

Трудно было поверить но вот оно, Ксенькино лицо, мокрое от непросохших слез. Она, прижавшись ко мне, еще только успокаивается, приходит в себя. В буквальном смысле - "в себя", потому что для этого ей нужно перестать быть Машей.

...Совсем недавно, каких-нибудь полгода назад, (ей тогда было полтора года) она три летних месяца жила с Валею в деревне, у родственников, и была бессловесным существом.

Могла с понимающим выражением подолгу слушать когонибудь из взрослых, только улыбаясь в ответ на нетерпеливый вопрос: "Ты когда заговоришь, молчун?"

В ее молчании словно бы что-то таилось.

Вот она на пухлых ногах, нетвердо ступая, спускается осторожно с крыльца, подходит к ветле, задирает взлохмаченную голову. Ветла шумит на ветру узкой, серебристой с изнанки листвой, словно бы силится сказать что-то. Ксения притрагивается к стволу, гладит его так, будто ждет, что он выгнется, как спина у кошки.

У тропинки, ведущей к реке, лежит большой плоский камень. Никаких у него, казалось бы, признаков жизни. Но хорошо прогретый солнцем, он долго держит в себе тепло и потому тоже кажется живым. Ксения, посидев на нем, машет ему на прощание рукой, отправляясь дальш'е.

Узкая Клязьма сверкает убегающей рябью, шевелит водорослями у берега, шуршит камышом. Она, без сомнения, живая, хоть и прохладная. Ее движение можно ощутить, опустив в воду руку. Чувствуя к ней дружеское расположение, Ксения объясняется с ней звуком "кых!", что означает обычно приглашение то к работе совком в песке, то к ходьбе... Словом - к действию.

Для нее все вокруг - и живое, и неживое - родня!

Уж не бессловесность ли роднит ее с деревьями, камнем, речкой?!

Хотя, может быть, и мы, взрослые, должны, даже обязаны чувствовать свое родство с ними. Только ведь нам некогда.

И потом: мы ослеплены своим могуществом. Что нам камень, который мы можем превратить в порошок, если понадобится!

Доказывается, он нам иногда нужнее такой, какой он есть. Как и лес, не тронутый топором, как и речка без лиловых пятен мазута.

Это первобытное чувство родства, если бы его удавалось сохранить, наверное, сделало бы наши отношения с природой разумнее.

Там, в деревне, Ксения еще не выделяла себя из числа окружающих ее предметов. Это произошло позже, когда она научилась называть себя "Ушей" (от "Ксюша"). "Уша села", "Уша пошла", - комментировала она свои действия. И наконец, держа в руках кубик, произнесла: "Мое". Кубик принадлежал ей, помогал выделить себя из окружающего мира. Кубик был подручным материалом, орудием труда. Пользуясь им, она утверждала себя в кругу людей и в ряду тех вещей, которые пока не утратили для нее своей одухотворенности.

Теперь она посредством слова "мое" исследовала свои отношения с предметами и людьми. Стаскивала платок со стула, приговаривая: "Мое!" "Это мамин платок", - уточняла Вера Ивановна. Ксенька подходила к маме, крепко хваталась рукой за её подол: "Моя мама".

"Твоя, твоя", - подтверждала Вера Ивановна. "Мое", - продолжала Ксения, мотая в другой руке мамин платок, волочащийся по полу. "А платок мамин", - опять возражала Вера Ивановна. Ксения вопросительно смотрела то на бабушку, то на маму, говорила задумчиво, будто заколебавшись: "Моя мама". И опять, мотая платком, глядя, как он извивается, мелькает пестрым концом у ног, уверенно добавляла: "Мой". Ну конечно же, раз мама ее, то и платоктоже!

В конце концов она установила: мама и папа, бабушка и дедушка безраздельно принадлежат ей. Значит, и все то, что они берут в руки, тоже должно принадлежать ей. Однако поведение взрослых было крайне нелогичным: то они радовались каждому ее слову и движению, то хмурились, пряча от нее блестящие, неотразимо привлекательные предметы. Несправедливость состояла еще и в том, что четверо взрослых, как она понимала, не просто принадлежали ей - существовали ради нее: волновались, когда ей было плохо, умиротворялись и сияли, когда ей было хорошо. Противоречия в их поведении возмущали ее!.. Раздавался плач...

- Вот вам результаты вашего воспитания, - уличала нас Вера Ивановна.

- Второго надо, - сурово утверждала баба Глаша, - пока этого не забаловали совсем.

- Чтобы второго избаловать? - отвечал я. - Тогда ведь все внимание будет самому маленькому!

- Ничего вы не понимаете, - говорил Максим Петрович, катая на ладони перед Ксенькиным лицом блестящий шарик. - Нам надо делом заняться. Правда, Ксения?

Он уводил ее в другую комнату, и наша дискуссия разгоралась с новой силой: нужно приучать Ксению к слову "нельзя"...

А может, лучше к первым простеньким обязанностям- например, убирать игрушки? Приучать ее к мысли, что она тоже должна заботиться о взрослых... И объяснять, почему нельзя брать ножницы или нож.

Мои попытки объяснить- я заметил потом- давали обратный эффект. Ее интерес к запретным вещам резко подскакивал! Спасал тут только дедушкин прием - отвлечение другим предметом. Но сознание того, что она - центр мироздания, оставалось. Она не умела, не могла пока ощутить другого человека как нечто отдельное, самостоятельное. Взрослый откликался на ее "дай", на ее слезы или смех, и она не подозревала, что у него могут быть собственные желания.

Как научить ее понимать другого человека? Хотя почему обязательно учить? Не должна ли она приобрести это умение сама, в общении, может быть, даже конфликтую, с нами?

Как-то мы с ней играли. На руке у меня кукла-рукавичка. Это Дюймовочка, которую Ксения называет кратко-Димоней. Мы поливаем воображаемые цветы. Идем в угол комнаты, где у нас открывается воображаемый кран (шумно изображая звук льющейся воды - Ксенька хохочет). Возвращаемся. На полпути Димоня вспоминает: кран забыла закрыть. Вода заливает пол.

Ксенька, выкрикивая "Ах! Ах!", бежит в угол, испуганно глядя под ноги, закручивает кран и, счастливая, косолапит обратно.

Поливаем грядку. Цветы, конечно, тут же вырастают. Ксения несет маме воображаемый букет и пристально смотрит, как она их нюхает, как улыбается, как показывает бабушке Вере (та занята, отмахивается: "Некогда!"), дедушке Максиму (он восхищается: "Какие красивые цветы!").

Ксения довольна. Лицо у нее, как у человека, закончившего большую работу, сопряженную с риском (чуть водой не залило!), и потребовавшую великого терпения (ведь целых двенадцать минут длилась игра, для нее это очень много!).

Так, может быть, в игре и через игру давать то знание жизни, знание людей, которое она приобретает, конфликтую с нами? Игра снимет отрицательные эмоции, заставит пережить радость открытия. Научит быть как бы в двух плоскостях одновременно- в воображении и в жизни. Это, кстати говоря, поможет ей со временем выработать

способность смотреть на себя со стороны, руководить собой.

Я так уверовал в магическую силу игры, что уже не знал удержу. Игровые сюжеты сочинял и экспромтом и заранее, когда ехал с работы в троллейбусе, а иногда- и на работе.

Первым это заметил мой коллега, скептик, который предсказывал мне с рождением ребенка всевозможные семейные трудности. Он, кстати говоря, почти всегда безошибочно угадывал мое состояние, объявляя, например, на весь отдел: "Товарищи, просьба говорить вполголоса, пусть Чибров подремлет..." Это после бессонной ночи. Или: "Внимание, у Чиброва что-то произошло. Его чудо-ребенок, кажется, уже взялся изучать сопромат..." Приходилось докладывать об очередных успехах своего чада, отсвет этих успехов, видимо, был на моей физиономии. На этот раз он отметил: "Не иначе сегодня Чибров пытается перевести свои педагогические раздумья на язык математических формул". Рассказал ему об игровых сюжетах. Он оживился: "Это же моделирование проблемных ситуаций обыденной жизни. Только не программируй в игре одну неизбежную концовку, иначе у твоего ребенка не будет выбора... Здесь ведь главное - выбор того или иного варианта поведения".

Дома, в то вечернее время, когда Валя доделывала свои дневные дела или освобожденная от них стремительной, энергичной Верой Ивановной смотрела телевизор, мы с Ксенькой играли. Переходили воображаемую улицу на красный свет, изза чего игрушечный грузовик наезжал на столб (ножку стола), ломался, и мы его чинили. Летали на воображаемом самолете в Африку, где изнывали от жары, потом - в Антарктиду, где мерзли вместе с пингвинами и лечили одного из них от воспаления легких. У Максима Петровича с Ксеньей были свои игры, большей частью связанные с путешествием в деревню. И вотсегодняшняя история с медведем и Машей... Как азартно Ксюшка подметала пол! И как горько расплакалась, узнав, что медведь не хочет ее отпускать домой.

Оказывается, для нее игра не только способ познания жизни. Не только инструмент - род микроскопа, например, помогающего ее неопытному детскому глазу рассмотреть в жизни то, что обычно ускользает из поля зрения.

Для нее игра- сама жизнь. В игре оказалось слитым все - и труд познания и радость открытия. Причем ей не важен был результат игры-труда, игры-исследования, ей интересен сам процесс, само действие, которое в игре всегда - творчество. Ее двухлетнее сознание не способно пока отделить выдумку от действительности - оно полностью живет в "предложенных обстоятельствах", исследует их, преобразует или приспосабливается к ним. То, что она переживает в игре, становится фактом жизни, "строительным материалом", из которого человек лепит себя.

Да, игра-это самый эффективный способ общения взрослого с растущим человеком. Способ передачи знаний, духовного наследия, вырабатывающий впоследствии у ребенка способность мысленно "переноситься" в другую жизнь, понимать другого человека, чувствовать семью как коллектив индивидуальностей. Это у Ксеньки впереди -:тут нет сомнений.

Моя же ошибка в том, что я игру воспринимал лишь как способ, как средство, поэтому был так неосторожен. А она для ребенка одновременно и цель. Он погружен в игру весь, без остатка.

Это мы, взрослые, думаем, что ребенок готовится к жизни.

А он в это время живет- активно и страстно! Живет текущей минутой, а не ожиданием обещанных событий. Для него завтрашний день-далекое будущее. Ему нужно чувствовать себя живым, действующим - сейчас. Вот что мы, озабоченные развитием своего ребенка, забываем: детство-не подготовка к жизни, а сама жизнь. Может быть, даже- главная, решающая часть жизни. И от того, как она прожита, зависит - состоится ли человек?

РАСПИСАНИЕ ПОСТУПКОВ

НА ЗАВТРА

Авторские размышления о превратностях

"программирования" личности

В родительском воображении почти всегда присутствует образец - каким должен стать

наш ребенок.

Но часто ли мы задумываемся над тем, как его нужно растить? Какими средствами добиваться успеха в воспитании?

Попробуйте спросить себя и своих знакомых: приходилось ли вам когда-либо сомневаться и колебаться в выборе того или иного способа воздействия на ребенка? Самый, вероятный ответ: "Да что вы, никогда!" Спыхватываемся, когда обнаруживаем: запрограммированного эффекта воспитание не дало.

Мало того: получилось нечто неожиданное, даже противоположное задуманному... Вот одна житейская история на эту тему.

Письмо в редакцию (шестнадцать густо исписанных страниц, почерк педантически четкий, с мелкими, красиво выпуклыми буквами) рассказывало о семейной драме: взрослые сын и дочь, обзаведясь своими семьями, бросили пожилых родителей. Не пишут, не звонят, не зовут погостить. Шлют лишь регулярные переводы. И - ни слова приписки. Ни даже праздничной, наспех написанной, открытки!

Родители потрясены. Они сделали все, чтобы дети получили высшее образование. Но главное в другом: ведь оба были послушными, никакого проявления враждебности, только уважение к старшим. И вдруг - бросили. В письме - недоумение, растерянность, обида... Коварные дети-оборотни! Откуда в них эта внезапная холодность? За что они так с родителями?

Само письмо, впрочем, отчасти отвечает на эти вопросы.

В нем подробно описано, как протекало их детство. Они все делали "по режиму": прогулка, приготовление уроков, музыкальные занятия, встречи с друзьями (их выбор "корректировал" отец).

Учитывалась каждая минута, так как вся их жизнь была подчинена одной цели - поступить в институт. Занятия и только занятия - с репетиторами и без них. "Лучший отдых - смена одних занятий другими!" - такой плакат повесил отец в одной из комнат.

"Мы научили их упорству, умению быть целеустремленными, а они так отплатили нам!" - пишет отец, теперь уже дедушка, ни разу не выдавший своих внуков (это главная его боль - даже о рождении внуков не сообщили, пришлось узнавать окольными путями!).

Их активно готовили к жизни: все - ради завтрашнего дня!

Сегодня - нет, это не жизнь, это разбег к ней: чем натренированнее будешь, тем больше шансов вырваться вперед.

Выдержка и еще раз выдержка! Никаких эмоций - они искажают реальное положение вещей. Голова должна быть холодной, как электронно-вычислительное устройство.

Так не в соответствии ли с этим идеалом они и поступили с родителями, отнеся отношения с ними к числу лишних, обременительных эмоций?! И о каком коварстве может идти речь; если раньше родители действительно были им нужны как источник материального благополучия, а сейчас необходимость в них отпала, свой же денежный долг взрослые дети выплачивают регулярно!

Нет, конечно, родители не программировали такого бездушия - были уверены: душевная привязанность, родственная близость - все это само собой появится. Однако - не появилось. Постоянная дрессировка, видимо, выработала у этих детей потребительски-утилитарное отношение ко всему: к близким людям, к занятиям, к развлечениям, к своим способностям.

Само детство утратило для них аромат полноценного, единственно-неповторимого куска жизни, стало лишь средством достижения будущих успехов, превратилось в бесконечный тренаж, иссушивший их души холодной расчетливостью.

Разумеется, не все средства хороши, особенно - в воспитании. Но есть ли вообще комплекс средств, которые гарантировали бы нам полноценную личность? И не парадокс ли само "программирование личности"? Ведь личность - это своеобразие черт, уникальное сочетание особенностей, это неповторимая индивидуальность. По рецептам можно создать лишь нечто стандартное. Да и не всегда они действенны, эти ^рецепты, как мы не раз уже

убеждались. Самые, казалось бы, лучшие способы воздействия на растущего человека, стоит их применить в иных условиях, дают совершенно другой, неожиданный результат. Может быть, и нет их вовсе, этих универсальных методов воспитания, а есть только принципы, руководствуясь которыми, каждый родитель должен сам искать наиболее эффективный способ общения с ребенком?

Задумываясь над этой проблемой, мы забываем, что сами когда-то были в роли воспитуемых. А ведь чего проще - вспомнить свое состояние в те или иные минуты общения со старшими: когда оно целенаправленно действовало? А когда вызывало желание сделать наперекор или заставляло изображать послушание, за которым была спрятана бесовская ухмылка внутреннего несогласия?

Пожалуй, самое неприятное воспоминание-чувство безвыходности, особенно в подростковом возрасте, когда знаешь: всегда и везде, в любом случае, согласен ты или не согласен, подчиниться взрослому все равно придется. Это отсутствие выбора ставит растущего человека в положение лишь "управляемого", в то время как он должен, обязан с самого раннего возраста в доступных ему сферах действия быть еще и "управляющим собой". Ведь он в воспитательном процессе не только объект, но и субъект. Поэтому оптимальный вариант - когда пропорции "управления извне" и "управления изнутри" с первых лет жизни ребенка постоянно равны. Меняется только сфера самостоятельного действия, опыт же этого действия человек получает постоянно, в одинаковом "объеме" на всех возрастных этапах.

Известно: чрезмерно опекаемых детей трудно, а иногда и невозможно бывает потом научить самостоятельности. Сложившийся в первые годы стереотип ("нельзя!", "не трогай!", "без тебя разберемся!", "мал еще рассуждать!") формирует или притаившуюся, ждущую своего часа, агрессивность или привычку полагаться во всех своих поступках на чье-то решение. Второй тип поведения может даже создать иллюзию успеха: человек научился сам руководить собой в соответствии с требованиями "управления извне". Только вот ведь какая особенность: он легко, беззаботно, иногда молниеносно меняет духовно-нравственную ориентацию и характер поведения в зависимости от изменившихся обстоятельств, которые "управляют" им, как волны-щепкой.

Такой человек не становится личностью, способной самостоятельно принимать решения, нести бремя ответственности за свои поступки, осознанно развивать себя, чему-то противостоять, что-то переустраивать, о ком-то всерьез и бескорыстно беспокоиться и кому-то быть опорой (ведь для этого вначале нужно найти опору в самом себе!). Не становится, так как нет и не может быть возрастной отметки, после которой о ребенке или подростке можно сказать: "Теперь он дорос до некоторой самостоятельности и достоин некоторого уважения!"

Ребенок достоин уважения с момента своего рождения, хотя бы потому, что уже сейчас, как биологическое существо, уникален - у него особый, ни в ком идентично не повторяющийся генетический код. Но уважать его нужно не столько за это, сколько за то, что ему предстоит - за труд самосотворения собственной личности.

Такое уважение удержит взрослого от волюнтаристских попыток диктовать ребенку с высоты жизненного опыта "расписание" его поступков, мыслей и чувств "на завтра". Вызовет желание терпеливо помогать ему исследовать среду и себя в ней, вырабатывать свою систему взглядов на жизнь, может быть, в чем-то отличную от родительской. Отличие неизбежно, так как без отрицания нет движения. И, впуская растущего человека в мир своих мыслей и чувств, в мир своего, отнюдь не во всем удачного опыта жизни, взрослый обязан дать ему право что-то в этом мире принять, а от чего-то отказаться.

Только при этом условии человек сможет идти дальше.

Сможет, принимая выработанную старшим поколением широкую жизненную программу, внести в нее необходимые коррективы и найти наиболее подходящие способы ее воплощения.

Именно потому, что детство (и дошкольное в том числе) - не подготовка к жизни, а

сама жизнь, оно должно обладать главными ее особенностями: возможностью выбора, ответственностью за свои поступки, преобразовательной деятельностью.

Трудно организовать такое детство. Не только потому, что приходится преодолевать собственные предубеждения. Аналогия детства со взрослой жизнью как бы уничтожает его специфику, заставляет переносить - мысленно, конечно! - в юные годы формы деятельности зрелого человека, и сознание, естественно, противится этому. Такой механический перенос, разумеется, невозможен.

У детства есть свои способы исследования и преобразования действительности. Один из них - игра, не скованная законченной схемой.

Игра - творчество, игра - труд.

Игра, дающая информацию о свойствах предметов, о среде, о людях, о самом себе, наконец.

Игра, в которую ребенок иногда верит больше, чем в очевидный факт, потому что работа его воображения и действия, сопряженные с этой работой, тоже факт его бытия. Факт, появившийся по его собственной воле, это особенно важно.

Нам, взрослым, забывшим законы детской игры, нелегко бывает включиться в нее, стать для ребенка партнером, умеющим не навязывать, а лишь подсказывать ее варианты, полагаться на его интуитивный выбор.

Но с игры-то как раз и начинается та духовная близость, то активное непреднамеренное общение, без которого трудно потом на всех этапах взросления ребенка вникать в особенности его развития, в преодолеваемые им противоречия, разбираться в существе его конфликтов с окружающими. И быть ему другом, ненавязчивым и уважительным, в меру сил помогающим ему растить себя.

Запись 4-я

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

О "преждевременной
обидчивости",

режиме дня

и неожиданном упрямстве

Сегодня пришлось задержаться на работе. Приехал домой поздно. Поднимаюсь на лестничную площадку, отыскиваю в кармане ключи и слышу за дверью родной "трубный глас"... Что там еще? Пока открываю, в воображении мелькают тревожные кадры: Ксенька бежит по коридору (она передвигается теперь только бегом) и, поскользнувшись у порога, влетает, как мяч, в кухню, падая лицом на кафельный пол... (Сколько раз просил: не нужно у входа в кухню натирать паркет до ледяного блеска половик ерзает, даже мы, взрослые, поскользываемся!) Следующие кадры - еще страшнее: дочь опрокидывает на себя кипящий чайник... стаскивает на пол скатерть с хрустальной вазой и затаскивает ее осколок в рот... Тайком ухитряется взять ножницы и...

Вхожу в прихожую. По звуку определяю: это в ванной! Не раздеваясь туда. Дверь распахнута, там трое: Валя, явно вышедшая из себя, что-то сердито говорит громко, ревушей Ксеньке. У Веры Ивановны, обычно деловито-строгой, сейчас умоляющее выражение лица-она Ксеньку уговаривает.

Друг друга все трое не слышат. Речь об одном: нужно умыться перед сном... Всего-навсего!

Иду на кухню выпить воды и успокоиться. Там Максим Петрович курит у окна. Спрашиваю его, как это началось. Он досадливо машет рукой, ему даже объяснить не хочется.

Совсем уж плохой признак.

Возвращаюсь а ванную, беру Ксеньку за руку, веду ее в комнату. Показываю, как шелкает блестящий замок моего портфеля, в котором я приношу домой в конце каждого квартала всякие рабочие бумаги. Ксенька заинтересованно присаживается на корточки, ковыряет замок пальцем... (Меня поражают ее мгновенные переходы-от, казалось бы,

безысходного горя к деловому исследованию. Но не думаю, что это говорит о легкости переживаемых ею чувств -они не поверхностны, нет!

Она искренне и глубоко потрясается ими. Только вот темп жизни у нее, видимо, плотнее, чем у нас. Поэтому и переключается она на другое состояние так быстро.)

Вешаю пиджак в шкаф и предлагаю: "А что если мы сейчас отправимся в лес, к белкам в гости?" Ксенька внимательно смотрит на меня: не шучу ли? Соглашается. Мы, держась за руки, ходим по комнате между воображаемых деревьев. "Вон, прыгнула!" -показывает Ксенька рукой вверх. Мы разговариваем с белками. А они, оказывается, укладываются спать. И нас приглашают - в дупло. Только, говорят, надо умыться. "А где тут у вас ручей?" - интересуюсь. "Я знаю", - говорит Ксенька и тянет меня за руку через другую комнату (там на диване сидят Валя и Вера Ивановна-они провожают нас осуждающими взглядами), через прихожую в коридор - в ванную.

Я открываю кран - "ручей" начинает журчать, мы оба по очереди умываемся и, крайне довольные, возвращаемся в комнату. Ксенька забирается в кровать - это сейчас для нее беличье дупло - и засыпает почти сразу же.

Иду на кухню с видом снисходительно настроенного победителя. Там одна Валя. На ее лице - отчуждение.

- Так дальше нельзя, - говорит она. - Невозможно!

- Хорошо, только без эмоций, - пытаюсь ее успокоить. -Давай разберемся...

- Когда ты предложил воспитывать Ксеньку без наказаний, я сразу же согласилась. Когда настаивал на раннем закаливании, я тоже была не против. И даже когда вы с дедом начали эти бесконечные игры, я не возражала. Но дошло до того, что Ксенька ничего не хочет делать без игры - ни обедать, ни спать, ни умываться. А она должна знать, что есть обязательные, может быть, скучные дела.

- Но почему обязательные дела должны быть скучными?

Почему не украсить их фантазией?

- Потому что игра это праздник. А жизнь не может быть сплошным праздником.

Ох уж эта мне женская логика!

- Значит, раз так, будем все бытовые дела делать с постными физиономиями?!

- Да ты пойми, - уже чуть не кричит Валентина, что с ней случается крайне редко, - у вас с дедом игра стала не праздником даже, а чем-то другим, нечестным, нехорошим... Вы обманываете ее, добиваясь обманом того, что она обязана сделать безоговорочно.

Меня это так ошарашивает, что я не сразу собираюсь с мыслями... А ведь действительно игра для нас с дедом (не всегда, но довольно часто!) становится именно способом управления поведением Ксеньки. Мы манипулируем ее сознанием, "закладываем" в него жесткую "программу" с простенькой утилитарной целью. Соблазнились легкостью... Но ведь наряду с этим сколько игр, основанных лишь на полете фантазии, почти без сценария!

Ну, ладно, Валя, видимо, здесь права. Нельзя, обедая, играть с Ксенькой в "рыбака", выуживающего из тарелки "рыбку". Только, наверное, причина сегодняшнего конфликта Ксеньки с мамой этим не ограничивается. Вероятно, примешалось что-то еще- так мне кажется. Уж очень сильна была обида, звучавшая в "трубном гласе" дочери.

Расспрашиваю у Вали подробности. Да, они с дедом во что-то играли.. Да, Валя объявила, что пора закругляться, дала им еще пять минут... Игру они успели благополучно закончить, и дед отправился к телевизору. Ксенька же, проходя с мамой через большую комнату, вдруг опять потянулась к деду: "Иггать!" ("р" пока не выговаривает).

Уставшая за день Валя сказала ей строго: "Тебе пора спать!" Но Ксенька, вначале так послушно шедшая умываться заупрямилась: у нее перед глазами был ее любимый дед, ее дружок, ее приятель, с которым - по общему семейному мнению- у нее игры получались лучше всего. И дед никуда не спешил, не намеревался спать - спокойно сидел у телевизора, готовый сорваться с места на ее зов, как это не раз бывало...

А ее ведут в ванную, чтобы потом уложить в постель... Несправедливость!

Пожалуй, да, причина конфликта- и в остром чувстве неравенства: то "на равных" играла с бабушкой, то вдруг ее укладывают, а его - нет.

Я заметил: Ксенька как-то очень обиделась, когда мама засмеялась над одной из ее забавных выходок... Насупилась, сердито махнула рукой в мамину- сторону... Два с половиной года, а уже уловила насмешку, почувствовала себя задетой!

Странно, почему мы считаем такую обидчивость у детей чрезмерной, преждевременной, будто она-привилегия взрослых? У детей она даже естественнее, потому что их зависимое положение среди взрослых порождает ее. Замечено: невысокие люди чрезмерно самолюбивы и ранимы. А ведь ребенок в семье, маленький, слабый, постоянно - среди высоких и сильных.

К тому же взрослым можно все: самим выходить на улицу, ездить в метро, зажигать газ, пользоваться блестящими, интересно лязгающими ножницами, самим покупать мороженое и конфеты и есть их тогда, когда вздумается. А ему, ребенку, этого нельзя, и он должен уговаривать, упрашивать, умолять взрослого. Тот же почему-то не соглашается, пускаясь в путанные, неубедительные объяснения, от которых желанный предмет становится еще желаннее!

Мы, взрослые, попав в аналогичное положение, тут же находим резкое осуждающее слово: "Произвол!" И, осудив, несколько успокаиваемся. Ребенок же еще не может подобрать слово, которое хоть отчасти облегчило бы его душу. Он видит, что взрослые намереваются развлекаться, уложив его спать в самый счастливый миг его жизни - и все в нем протестует.

Так надо ли ..переламывать" его, доводить до крика, до слез, до состояния, которое взрослый может выразить словами: "Все равно лбом стену не прошибешь?!" Ведь ребенок уснет с этим чувством несправедливости, запомнит его, сживется с ним. И, став взрослым, не будет протестовать даже тогда, когда обнаружится уже не мнимая, а явная несправедливость.

Не знаю, что- именно должна была сделать Валя в этом случае. Но твердо уверен - тащить ревущую Ксеньку за руку в ванную не следовало. Может быть, надо было дать ей и деду еще пять-десять минут на игру (не поломался бы режим из-за этих минут!). Или выключить телевизор и поручить умывание деду. Или просто ласково поговорить с Ксенькой. Ее ведь убеждают не аргументы-я не раз замечал,-а интонации.

Если бы вот так, как здесь, в дневнике, последовательно и достаточно спокойно я смог изложить свою догадку Вале!

Но я видел лишь усталое упорное отчуждение в ее глазах, нежелание вникать в обнаруженные мною сложности. И - торопился, говорил сумбурно, а когда она возражала - сердился. И явно не убедил ее.

- Может быть, и есть у нее этот комплекс, только мне уже некогда было вникать... Но что я твердо знаю - ваши бесконечные игры с Ксенькой идут ей во вред.

Поразительное непонимание! Ведь еще задолго до рождения Ксеньки мы с Валею решили: организуем жизнь ребенка так, чтобы совершенно не было принуждения, лучше нарушить режим дня, чем травмировать неокрепшую душу насильем.

Нет, тут что-то не так, не могла Валя этого не понимать.

Скорее всего устала, не вслушалась в мои доводы.

Я стоял в кухне у окна- смотрел, как при свете прожекторов на той стороне улицы подъемный кран, сигналив, несет часть стены с проемами для окна и двери на шестой этаж будущего дома. Подумалось: до чего же быстро сейчас строят.

Совсем недавно здесь был пустырь, заваленный каким-то хламом, и тянулись вдоль дороги слепленные из жести кривые гаражи, разной высоты и окраски. А сейчас- уже шесть этажей выросло.

Почему-то эта ночная картина меня успокаивает.

Настраивает на деловой лад.

Запись 5-я

СОВСЕМ ДРУГОЙ

ЧЕЛОВЕК

О стрекозе, вертолете
и умении любить
детей такими,
какие они есть

В дальнем углу парка мы бродили с ней часа два. Трудно признаться, но нужно: к концу второго часа она меня начала раздражать.

Сам этот факт угнетает: неужели я люблю свою дочь только "на расстоянии"?

Попробую записать, как эти два часа прошли.

Она пряталась от меня за стволами деревьев, собирала зачем-то в траве сухие ветки, носилась с божьей коровкой на ладони и спрашивала: "А что она сейчас думает?" Я наспех сочиняю ее "внутренний манолог": "Что это за великан несет меня на руке? Боюсь, как бы он меня своей огромной ручищей не раздавил... Нет, он со мной бережно обращается, он добрый великан, по глазам вижу".

Монолог Ксеньке нравится - ей приятно осознавать себя великаном. Она смотрит на свою маленькую руку, которая, оказывается, может быть для ползущего по ней существа "ручищей", и смеется. Потом убегает за дерево, но через минуту возвращается: "А сейчас что думает?" Импровизирую: "Как полетать хочется и на траву сесть, на солнце погреться. Наверное, меня великан отпустит". Этот монолог Ксеньке явно не нравится. Она на секунду задумывается и говорит: "Вот тебе как тепло у великана, тепло-тепло! Никуда не хочется!" Она держит руку так, чтобы на нее не падала подвижная тень от колеблющихся над нами ветвей, "греет" божью коровку на солнце. Через минуту опять убегает. И - снова возвращается:

"А что сейчас думает?"

Наконец, после пятого или шестого монолога божьей коровке все это крепко надоедает - она выпускает из-под празднично-алого панциря прозрачные крылья и улетает.

Теперь Ксеньку интересует, о чем думают деревья, трава, сухие ветки, из которых она соорудила "теремок", облака, плывущие над парком, лягушка, прыгнувшая из травы в захламленное обмелевшее озерцо. Больше всего ей в этой игре нравится представлять, какой она, Ксенька, им кажется: лягушке Гуливером. дереву - козленком (тут она минут пять прыгала по траве и бляла), облакам - муравьем.

"А лягушка - хорошая или злая?" - вдруг спрашивает.

"Нормальная", - отвечаю. (Я выхожу из себя, когда читаю детские книжки, где животные выведены то добрыми, то злыми.)

Зачем дезориентировать ребенка? Он должен знать, что животный мир и человеческое общество живут по разным законам.)

"А что она ест?" - продолжает Ксенька о лягушке. "Комаров".

Это сообщение погружает ее в недолгую задумчивость, что, впрочем, не мешает ей мельтешить между деревьями, прыгать на одной ноге по берегу озерца, наступать на сухие ветки, наслаждаясь резким, как выстрел, треском. "А комарам больно? - уточняет она. - Что он и тогда думает?" "Они не думают.

Они не умеют думать".

Ксенька убегает, потом возвращается и говорит: "Они думают, какая лягушка плохая". И опять убегает. А еще через минуту сообщает убежденно: "Лягушка хорошая, она ест траву.

Комары носят ей траву в воду. Собираются - много-много! - и все хватают и несут и кидают". Она рвет траву и бросает ее в воду.

Та-ак! Вот к чему привела игра в "монологи". По ее представлениям, все вокруг живут в дружбе и согласии. Эдакий розовый мир, лишенный противоречий, трудностей, борьбы.

Пытаюсь ей объяснить, как в природе все взаимосвязано: вот жучки-короеды точат дерево, а дятел выковыривает их и ест.

"Значит, они злые, - говорит Ксенька о жучках, - надо, чтобы дятел их всех съел". "А если он всех съест и их больше не будет, то дятел умрет. Ему же больше нечего будет есть!"

Значит, нужно, чтобы жучки эти были всегда".

Ксеньке дятел нравится - она его не раз видела в парке.

А жучки не нравятся. Ей хочется, чтобы в ее мире добрый дятел был, а злых жучков не было. И она, подумав, решительно сообщает: "Дятел съест всех жучков и будет летать ко мне, я буду давать ему крошки..."

Меня такое решение проблемы не устраивает. Зачем закреплять в воображении ребенка заведомо неверное представление о природе?! "У дятла от крошек живот заболит, ему можно есть только жучков", - говорю я с беспощадной неуступчивостью, потому что свято верю в право ребенка знать обо всем правду и только правду. Ксенька подбирает сухую ветку, задумчиво стучит ею о ствол дерева и бросает. "Я позову врача и мы полечим дятла", говорит мне этот юный несгибаемый волонтерист. Я лихорадочно пытаюсь найти примеры более яркие и убедительные. Но разговор на эту тему продолжать не решаюсь: понимаю - он окончится так же. У нее уже сложилось свое неправильное (типичное для городского ребенка, оторванного от повседневной жизни природы) представление, сформированное книжками и нашими родительскими сентенциями. То есть мы выстроили в ее сознании схему, которая наверняка будет мешать ей исследовать реальность. Мы населили ее воображение образами добрых и злых животных, которых на самом деле нет.

Это открытие омрачает мое безоблачное настроение. Мельтешение Ксеньки между деревьями начинает казаться мне бессмысленной тратой времени. Я замечаю в своей дочери множество недостатков - слишком громко смеется, не умеет держаться с посторонними (отворачивается, когда спрашивают, норовит спрятаться за спину родителя). Не научили мы ее сосредотачиваться, не разбрасываться, занимаясь чем-то...

Словом, дело из рук вон плохо. Чувствую, как подступает раздражение и на нее, и на себя, и на Валю. Затем - реакция на раздражение: мысль о своем неумении как следует организовать отношения, сделать их направленно воспитывающими...

В этот момент Ксенька, стоявшая на берегу озерца, крикнула: "Папа, смотри!" Она увидела большую, сверкающую слюдяными крыльями, тихо стрекочущую стрекозу, осторожно опустившуюся на стебель травы. "Как вертолет!" - отметила Ксенька, разглядывая ее. Я тоже стал смотреть на стрекозу, на ее замечательно-прозрачные вздрагивающие крылья, и мне вспомнилось: в детстве, увидев в первый раз в жизни вертолет, опускавшийся за крайним домом нашего села, на клеверное поле, я подумал: "Как стрекоза!"

"А не в этом ли дело? - мелькнула у меня мысль... Ксенька вначале увидела вертолет (его мы часто видели из окна - он опускался за крышами соседних домов на поле стадиона), а потом только - стрекозу. Большой мир она открывает для себя совсем не так, как я когда-то. Для меня речка, корова, лошадь были каждодневной обыденностью, для нее это ожившая картинка из книжки. Для меня вертолет, телевизор, магнитофон, которые я увидел уже школьником, были чудом. Для нее они - обыденность.

Она идет к познанию среды как бы с другой стороны - от того, что сделано руками людей. И в этом, конечно, есть свои преимущества и свои недостатки. Но дело не в этом. А в том, что Ксенька развивается в иной обстановке и по-иному. Темп развития, характер, "стимуляторы", внутренние импульсы - все иное.

Словом, она - отнюдь не мое "я", каким я был в ее годы.

Я же, видимо, неосознанно отождествляю себя (точнее, тот образ, который сложился в воображении) с ней. Невольно ищу аналогии. И удивляюсь, когда их не обнаруживаю. И сержусь от того, что развитие дочери идет не по моему сценарию.

Это еще одно за сегодняшний день небольшое открытие вначале просто потрясло меня. Стал вспоминать, всплыли в памяти эпизоды, когда был или непонятно почему доволен или необъяснимо раздражен поведением дочери.

Вывод довольно жесткий: я люблю в своей дочери только собственное отражение. То есть то, что отделившись от меня, становится моим вторым, маленьким "я".

Но она-то, оказывается, совсем другой человек. Другие впечатления питают ее воображение. Она - каждый день по-своему конструирует в своем сознании окружающий ее

мир, упорно не желая признавать в нем противоречий, вражды, борьбы - мир преимущественно добрых существ, уже совсем почти победивших зло. И, может быть, в этом сказывается не только влияние схематично-упрощенных назидательных книжек, а еще и инстинктивное желание маленького, слабого пока, существа отвернуться "от страшного", от непосильного.

Однажды Максим Петрович, когда речь зашла о рецидивах Ксенькиного упрямства и капризности, сказал: "Все равно я люблю ее такой, какая она есть".

Как же все-таки трудно научиться так любить! Научиться видеть в ней совершенно другого человека (а не "переиздание"

собственной личности) со своими особенностями, повадками, с непривычным для нас, взрослых, путем исследования окружающего мира.

Хотя, пожалуй, это относится, наверное, не только к детям, а к человеку любого возраста и поколения.

Ну, вот, например, Максим Петрович. Его поколение вынесло на своих плечах войну. До сих пор иногда за общим воскресным обедом он нет-нет да и вспомнит, как выходили из окружения, без еды и воды, через леса, ели кисленькую траву "заячьи ушки". Вспоминает и свое деревенское детство как старший брат, заменивший ему отца, однажды стыдил его, пятилетнего, за какую-то провинность такими словами: "Ты уже большой, должен все понимать, ты ведь уже в штанах ходишь, вон к ним карман какой пришит..." Иное время, иной путь развития. То есть тоже - совсем другой человек.

А Вера Ивановна?! Каждый год восьмого марта к ней приходят с цветами ее бывшие ученицы, и лицо ее странно меняется: как будто бы та же деловитая строгость и все-таки не та. Нет в ней обычной будничной озабоченности, словно бы все ее слова, мимолетная улыбка, вопросы, жесты, реплики обретают сейчас особенный смысл - значение важнейшего дела.

Наверное, такая она, строго-праздничная, деловито-торжественная, на уроках, которые, кстати говоря, считаются в школе лучшими. Но при всем этом она не умеет того, что, на мой взгляд, уметь учителю младших классов необходимо: играть с детьми. Когда пробует играть с Ксенькой - не ладится. Слишком педантично следует сценарию игры. сдерживает выдумку - не равноправный партнер, а контролер. Не в том ли дело, что в школе не принято пользоваться на уроках элементами игры, ее приемами, и в педучилищах, институтах не учат будущих педагогов этому?

А Валя?! Ведь вот как-то допытывался у Вали: были ли у нее в подростковом возрасте конфликты с родителями. Выяснилось - нет. И ни Максим Петрович, ни Вера Ивановна тоже так и не вспомнили. Мне это даже показалось вначале отклонением от нормы. Потом подумал: она тоже - совсем другой человек, со своим особенным путем развития, строем чувств и мыслей.

Почти инопланетное существо, таящее неизвестные мне особенности.

Как опасно, оказывается, привыкать друг к другу --будь то ребенок или взрослый! Перестаешь с прежней неподвзятостью узнавать рядом живущего, открывать в нем новое, незнакомое.

И любить его.

Такого, какой он - есть, не придуманного, не схематизированного. Живого.

ИМЕНЕМ ЛЮБВИ

Несколько слов о том,

во что иногда

рядится воспитание

"с позиции силы"

"Волевое" воспитание всегда производит неприятное впечатление: окрик, грозный взгляд, металл в голосе. К тому же это слишком очевидное свидетельство- взрослый бессилён. Да

если еще вспомнить часто повторяемые слова о том, что требовательность должна идти

рука об руку с уважением, то... Нет, кричать на ребенка непростительно. О физических же наказаниях и заикаться нечего - стыдно!

Но вот что любопытно: решительно осуждая воспитание "с позиции силы", мы не всегда задумываемся, на какой основе эта "позиция" возникает. Основа же, как свидетельствует дневниковая запись папы, - любовь к своему отражению. Однако до тех пор; пока скальпель самоанализа не освободит ее от "обманчивой оболочки, она будет фигурировать в глазах и самого родителя и его окружения как "любовь к ребенку".

Именем этой любви некоторые родители освящают свою ничем не оправданную резкость: "Ради него же, глупого, погорячился". На эту любовь списывают промахи в воспитании, в том числе и применение ремня - "для будущей пользы". Будущая польза далеко и обычно оборачивается жесткосердием, но зато сейчас родитель спокоен: он, как ему кажется, сделал все от него зависящее.

Правда; такое сейчас становится редкостью. Чаще бывает другое: наказывают, но уже не ремнем и даже не окриком, а тоном, почти официальным. Отчужденным выражением лица.

Подчеркнутой холодностью отношений - "отчуждением" от себя. Иными словами -утонченно наказывают. Но -не менее больно, потому что боги здесь душевная. Считается, что требовательность в этом случае была максимально уважительной:

ребенка никто не оскорбил, не унизил. Ему лишь дали понять, что если он не будет поступать так, как этого требуют родители, то с чувством уюта, душевного комфорта, уверенности в себе он может распрощаться.

Испытание для неокрепшего характера жестокое!

Ребенка фактически с той же "позиции силы" подталкивают к заискиванию и притворству - к повиновению во что бы то ни стало.

Ему отказывают в естественном для растущего человека праве усомниться в безошибочности взрослых, не согласиться с ними. Его даже не хотят выслушать или слушают с выражением крайнего нетерпения.

Ему иногда объясняют его поступок и отнюдь не в резких выражениях, но именно объясняют, а не выясняют, почему он так поступил. Хотя у каждого поступка может быть несколько движущих мотивов, глубоко спрятанных и часто неосознанных.

Обнажить их, осмыслить вместе с ребенком можно только в "диалогическом общении". В беседе "на равных", когда юный оппонент, не соглашаясь, пытаюсь обосновать свою точку зрения, помогает и взрослому и самому себе понять истоки происшедшего.

"Диалогическое общение" дает воспитателю необходимую ему обратную связь. "Монологическое общение" эту связь разрывает, заставляя воспитателя двигаться по своей трудной педагогической стезе вслепую, наугад, разрушая трудно возникающие, тонкие и сложные связи человеческих отношений.

Воспитание "с позиции силы", в какие бы оно внешне элегантно и безукоризненно утонченные одежды ни рядилось, - будь то ровный бесстрастный голос в критической ситуации или же хитроумно сочиненная игра, заставляющая ребенка выполнить волю родителя - всегда "монологично".

Даже в тех случаях, когда взрослый никаких - ни назидательных, ни гневных - монологов не произносит.

Он может, демонстрируя чудеса, сдержанности, молчать, отгораживаясь этим молчанием от мятущейся души ребенка.

Но внутренний монолог неизбежно "проявится" в выражении лица.

И даст почувствовать ребенку: он со своим противоречивым внутренним миром неинтересен взрослому, которому необходимо лишь беспрекословное (таков закон "монологического" общения) и, значит, бездумное повиновение.

Когда же растущий человек кому-то неинтересен, то и уважение, которое ему демонстрирует взрослый подчеркнуто ровным голосом, становится фикцией.

Уважать - значит признавать в воспитаннике "совсем другого человека", особенный

мир, своеобразный путь развития, где каждый неверный шаг вызван неразрешенным пока противоречием или неудачной попыткой его разрешить.

Зачем же казнить его за этот шаг?

Не лучше ли, заинтересовавшись тем, как складывается его внутренняя жизнь, найти вместе с ним причину происшедшего, приобщив его к первому опыту самоанализа?

Такой опыт, умножаясь, поможет ему потом (когда он, в свою очередь, станет родителем) научиться любить в ребенке не собственное отражение, а "совсем другого человека", самостоятельно создающего себя в "диалогическом общении" со взрослыми, с обществом, с миром духовных ценностей.

Запись 6-я

СМЕЛОСТЬ БЫТЬ

САМИМ СОБОЙ

О чужих грибах,

истоках негативизма

и праве ребенка на конфликт

Сегодня принес домой кипу журналов с твердым намерением: просмотреть все, что не успел за последние месяцы. И чувствую: не могу. Нужно записать случай с Ксенькой, иначе он будет мне мешать и дальше. Да и, может быть, записывая, лучше разберусь в нем.

Произошло это в пятницу вечером. Приезжаем с Валею в Березовку (двадцать пять минут на электричке и пятнадцать ходьбы до дома, где мы снимаем на лето комнату для Ксеньки и бабушки). Открываем калитку. По тропинке, между полудиких зарослей малины и белеющих березовых стволов, мчится навстречу с радостным воплем лохматое существо с исцарапанными коленками, обезьянисто подпрыгивает и крепко обхватывает шею тонкими, шоколадными от загара руками.

Несу Ксеньку к дому, возле которого на лавочке сидят, наблюдая за этой сценой. Вера Ивановна, Катя, соседская девочка первоклассница, и ее мама Галина Семеновна. Сцена повторяется регулярно по пятницам, затем по субботам, когда приезжает проведать внучку Максим Петрович.

Ксенька, продолжая бурно радоваться, тянет меня за руку к качелям. Качнувшись два раза, несется к крыльцу, показывает миску, где мокнут грибы свинушки: "Сама нашла!" Вера Ивановна, собравшись уезжать, окликает ее: "Ну, до свидания, Ксюшенька!" Но Ксюшеньке не до нее- показывает куст, под которым живет настоящий еж. "Теперь на бабушку ноль внимания", - обижается Вера Ивановна и торопится к электричке.

А Ксенька опять - к качелям. Я раскачиваю ее, она смеется, кричит Кате: "Мой папа меня катает!" Катя (ей Ксения по пояс) подходит, снисходительно улыбается и между прочим сообщает: "А мой папа завтра придет. У него срочное дело, поэтому задержался". Говорю: "Теперь пусть Катя". Ксенька неохотно уступает и, не успеваю два раза Катю качнуть, вопит: "Хватит-хватит, я буду!" Хватается за веревки, прогоняет Катю с враждебным выражением лица. Катя явно обижается, хотя изо всех сил старается не подать виду (она уже самостоятельно читает библиотечные книжки и рядом с Ксенькой чувствует себя особенно взрослой). "Так несправедливо", объясняю. Но она, насупливаясь, поплотнев усаживается на освободившиеся качели и говорит Кате: "Мои качели". Потом подумав, решительно добавляет: "Мой Папа". "Раз ты такая жадная, - говорю этой трехлетней собственнице, не буду тебя катать".

Сидит молча, уставившись в траву. Лицо меняется: смешно оттопыривается нижняя губа, глаза превращаются в щелки, из них катятся слезы. Правданенадолго: Валя зовет нас ужинать, это отвлекает. Но за столом конфликт повторяется: "Не буду кашу". Уговоры не помогают. Валя выходит из себя и отставляет тарелку: "Иди из-за стола, раз так". Ксенька сидит, уставившись в стол, не уходит. Опять медленно оттопыривается нижняя губа.

Наконец каша съедена. Вечернее солнце еще не спряталось-на березовых стволах лежат золотисто-алые отблески.

Все пережитые неприятности забыты, настроение приподнято.е, идем гулять.

Обследуем заросли малины, следим за трясогузкой, бегущей по коньку крыши. Проходим мимо соседского крыльца, на котором в продолговатой посудине мокнут Катины грибы. И тут Ксенька, словно бы механически-привычным движением, подцепив миску, опрокидывает ее. Грибы вместе с водой летят под ноги. "Ты это зачем?" - спрашиваю, не понимая. Молчит, насупившись. "Катина мама обидится, - говорю первое, пришедшее в голову. - Давай быстро подберем". Молчит, не двигаясь, как маленький деревянный идол с таинственно-упрямым выражением лица.

Подбираю сам. Галина Семеновна прибегает с веранды на помощь, приговаривая: "Ничего, ничего". "Надо извиниться", - говорю Ксеньке. Она бормочет что-то похожее на извинение и мы уходим. Но через минут пятнадцать после поисков ежа и прогулки к колодцу за водой мы опять проходим мимо соседского крыльца. И опять Ксенька тем же, почти автоматическим движением опрокидывает посудину с грибами к себе под ноги.

Зачем? Не понимаю. "Давай теперь собирать!" - говорю ей. "Не буду", отвечает упрямо. "Да что с тобой? - удивляюсь и тут же сердито добавляю: -А я не буду с тобой водиться". Нижняя губа у нее оттопыривается. "Будешь собирать?" - спрашиваю. "Не-а" - отвечает непреклонно, готовая к плачу.

"Ну, раз так, то я с тобой не вожусь!" Ухожу. Слышу за спиной Отчаянный вопль. Оглядываюсь и вижу: подбежавшая Катя собирает грибы в миску. Ксенька, не переставая оглашать двор плачем, тоже начинает подбирать.

Наваждение какое-то! Далась ей эта миска с грибами. Иду, рассказываю Вале. Она тоже недоумевает: откуда такое упрямство? И чем дальше, тем больше... По ступенькам крыльца гулко топчут Ксенькины ноги. Вбегает, говорит: "Я уже собрала, будешь со мной водиться?" "Теперь буду." отвечаю, вытирая платком ее мокрое от слез лицо.

Поражаюсь тому, как страх оказаться отвергнутой заставил Ксеньку пойти против одолевшей ее страсти к разрушению.

Ведь это упорное опрокидывание - ни что иное, как жажда внести беспорядок, сделать кому-то наперекор. Кому? Кате?

С Катей у нее дружба-соперничество, несмотря на разницу в возрасте. Но вряд ли Ксенька могла затаить в себе обиду от инцидента у качелей, наверняка давно забыла его. Она живет пока текущей минутой, поэтому так остро и отреагировала на угрозу "не водиться", хотя могла бы "водиться" в этот вечер с мамой, с той же Катей. Ксенька об этом даже не подумала была в отчаянии от мысли, что ее отлучили, от ее общества отказались, и если сейчас же не исправить положения, то все вокруг будет враждебным к ней, мир ее жизни потеряет привычную устойчивость. Упрямство, видимо, было частью этой устойчивости - она поступала так, как сама решила. Она утверждала в этом негативистском поступке свое хрупкое "я". А тут все, как во время землетрясения, вдруг стало рушиться...

Нет, отлучением добиваться послушания бесчеловечно!

Нужно выяснить и установить причины, порождающие ее упрямство и агрессивность, иначе потом мы запутаемся в причинах и следствиях, в действительных и мнимых мотивах ее поступков. Уже сейчас ее отношения достаточно сложны, например, с Катей. А что будет два-три года спустя?!

После девяти вечера, когда Ксенька, прослушав положенную перед сном сказку, уснула, мы с Валей сидели на лавочке у дома. К нам подседа Галина Семеновна, разговорилась. Стала с улыбкой рассказывать, как Вера Ивановна "воюет" с Ксенькой: "Очень уж много замечаний и все по мелочам: поправь панамку - солнце напечет, не бегай - споткнешься, брось ветку, а то в глаз себе попадешь, не копайся в земле -"руки и так, как у трубочиста..."

Тогда я впервые подумал: а не отсюда ли у Ксеньки агрессивное желание сделать наперекор?!

Потом обсуждали все это с Валей...

Да, конечно, Вера Ивановна еще живет атмосферой школы (ушла недавно на пенсию - не по возрасту, а по стажу - нянчить внучку, а Валя теперь работает). Перестроиться сразу

трудно: мешает учительская привычка действовать строго по плану и принуждать к этому других.

К тому же единственной воспитаннице 3 года, а это, говорят, первый "переходный" возраст: человек уже окончательно выделил себя из среды, осознал свое отдельное "я" и вместе с этим приобрел всевозможные комплексы. Самоутверждается, без конца повторяя - "мое", "моя", "мой". Упрямится. Или ударяется в отчаянный рев из-за чрезмерной ранимости. Словом, довольно дорого платит за первое чувство собственного достоинства, которое почему-то не хотят замечать взрослые. Без конца все запрещают...

А ведь если что-то нельзя, то из того, что можно, ребенок должен выбрать сам_ наиболее приглянувшийся ему вариант или способ деятельности. Иначе он будет лишен одной из главных возможностей своего развития САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Она же дает растущему человеку чувство самоуважения, уверенность в своих силах, сознание своей причастности к делам взрослых... Нужно найти подходящий момент и сказать обо всем этом Вере Ивановне.

Как все-таки важны такие разговоры! Вот говорили, и Валя вспомнила: в ее отношениях с Ксенькой тоже встречаются похожие, только, может быть, не столь ярко проявившиеся черты. Как-то пробовала она приохотить Ксеньку к хозяйственным делам, дала тряпку - пыль вытирать и, увидев, что она делает не так, как следует, сама все сделала. Интерес к этому роду деятельности у Ксеньки, разумеется, немедленно пропал.

А не сказывается ли такая же нетерпеливая жажда мелочной регламентации, абсолютного порядка и в моих отношениях с дочерью?! Хотя бы этот случай с чужими грибами: не разобравшись как следует, поспешил наказать отлучением... Так, мы, взрослые, сами стилем своих отношений порождаем у ребенка негативизм, упрямство, агрессивность, а потом ребенка же и наказываем. И довольны, если он сразу покоряется, думаем"

"Значит, понял".

Он же лишь испугался быть отвергнутым. И мы поощряем испуг, с которого наверняка потом начнется боязнь быть самим собой, привычка ориентироваться не на свои убеждения, а на то, что пожелают от него оказавшиеся рядом приятели. Не так ли благополучные, послушные дети, случайно попав в "уличную" компанию, легко подчиняются ее воле?! Послушный ребенок чаще всего-завтрашняя беда родителей, я уверен в этом. Нужно воспитывать в растущем человеке смелость быть самим собой, а значит, и готовность к конфликту.

Бесконфликтное детство - отнюдь не счастливое детство, Да и, наверное, невозможно оно без конфликтов. Полного знания жизни лишь через игру и чтение книжек не получишь...

Все это так. Только не дает мне покоя одна подробность: Ксенька еще до моего прихода опрокидывала соседскую посудину с грибами несколько раз. Может быть, здесь сказалось не только негативное желание "досадить всем", а еще и жажда эксперимента?.. Интересно ведь, с каким плеском и шлепаньем летит содержимое посуды на землю и как при этом поразному реагируют на случившееся Галина Семеновна, Катя, бабушка и, наконец, папа!

Сейчас постоянно думаю вот о чем: неужели невозможно научиться с наименьшей вероятностью ошибки определять главные мотивы поступков трехлетнего человека?

Запись 7-я

СМОТРЕТЬ И ВИДЕТЬ

о мотивах действительных

и мнимых, родительских

предубеждениях

и пользе сомнении

Играем в цветочное лото. Катя - со снисходительной улыбкой, я - со строгой торжественностью. Ксенька - с напряженным ожиданием: "Кто же выиграет?" С нами за столом еще одна девочка - Лена. Она с соседнего двора, ей пять лет. У нее миловидное личико, кокетливые глазки, улыбочивые и быстрые. Видимо, знает, что ею всегда любуются,

поэтому при взрослых она несколько возбуждена, часто, иногда беспричинно, смеется.

Ксенька, выигрывая, вопит: "Ура-а!" Если удача выпадает Кате или мне, она насупливается. А стоит выиграть Лене - плачет. Смотрит на нее сквозь слезы, отчетливо выговаривая:

"Плох-хая!"

Вначале я еле сдерживаю улыбку. Потом у меня портится настроение, так как объяснения и уговоры на Ксеньку не действуют. К тому же мне вспоминается вечер, когда у нас в гостях были наши давние друзья - муж и жена. У обоих педагогическое образование, оба говорят о детях, как врачи о пациентах. На вопрос, когда у них будут свои, отшучиваются:

"Вот защитим диссертации, тогда... А пока чувствуем себя профессионально не готовыми".

Они исподволь наблюдали за Ксенькой и потом, когда мы их провожали к метро, стали нам пророчествовать: "Она будет чрезмерно самолюбива"; "В среде сверстников ее непременно потянет лидерствовать"; "И в то же время трудно будет сходиться с подружками"; "На этой почве возникнут всякие комплексы..."; "Что и говорить, случай тяжелый".

Они добились своего - крепко перепугали нас. Какой выход?.. Помедлив, ответили: "Нужен разновозрастный коллектив детей". "То есть перезнакомить и подружить ее с соседскими детьми?" - уточнил я. "Нет, это полумера. Свои должны быть, минимум-трое".

Они хорошие, верные друзья. У них нормально развито чувство юмора. Но когда заговаривают на тему, касающуюся их диссертации, они словно бы деревенеют.. Ну, скажите на милость, где этих троих мы будем растить, если уже сейчас нам, пятерым, в двух смежных комнатах неудобно и тесно, а завод строит жилье крайне медленно, так как основные силы тратятся на реконструкцию?! Это один аспект проблемы. Второй: на обслуживание даже одного ребенка у матери уходит столько времени и сил, что к духовному общению она уже физически не способна - только бы отдохнуть, отоспаться, отвлечься. Журнал пролистать и то некогда.

"А как же раньше, в более трудных условиях растили по несколько детей?" - говорят обычно в этих случаях. Но раньше у родителей потребность в духовной пище была менее острой. Да и относились к ней многие как к развлечениям.

Сейчас кино, театр, книги, общение с друзьями - необходимая часть жизни, на которую нужно не просто время, нужны активные усилия. Дети требуют некоторых жертв... Да, согласен, только не таких! Эта жертва им же в ущерб. Какую содержательную информацию они получают в общении с матерью, чей мир интересов ограничен кухонно-домашними заботами?! Детских же садов, как известно, не хватает, найти няню в условиях города - проблема почти неразрешимая, свои бабушки в большинстве случаев или живут не в одной квартире с внуками, или достаточно молоды, чтобы ради внуков идти на пенсию.

Помню, когда Ксенька была совсем маленькой, Валентина, вконец уставшая, несмотря на нашу помощь, как-то призналась: "Не могу больше видеть этот конвеер - пеленки, кухня, молоко, бутылочки, соска, опять пеленки..." Мечтала: была бы у нас служба кормящей матери - привозили бы на дом по заказу пеленки и продукты, чтобы в очередях не стоять. Появились бы время и силы на игры с ребенком - на свободное, развивающее общение с ним.

Словом, пожелание наших друзей ввиду всех этих нерешенных проблем отдавало утопией. Статистика рождаемости, судя по статьям демографов в газетах, говорит о том же. А как воспитывать одного ребенка в семье, чтобы у него не развивался комплекс исключительности, педагоги-ученые пока умалчивают. Мне, во всяком случае, популярные книжки на эту тему не попадались.

Вот это все вспоминается, когда Ксенька сквозь слезы громко говорит выигравшей в лото Лене: "Плох-хая!" Я вижу в этом подтверждение пророчества наших друзей: слепую жажду лидерства, комплекс исключительности. Мне тут же представляется мрачная перспектива: моя дочь завистливо следит за чужими успехами, радуется чужим бедам,

неудачам... Она одинока, так как ни с кем не может подружиться, и то заискивает перед сверстницами, чувствуя потребность в их обществе, то открыто враждует с ними... Пытаюсь еще раз успокоить ее: "А в следующий раз ты выиграешь". "Все равно она- плохая!" - продолжала Ксенька. "Ну раз ты так, - говорю, пытаюсь подавить в себе раздражение, -то игру прекращаем!" Но сердитый Ксенькин рев нарастает и кончается только с приходом мамы. Валя уводит ее, заговорив с ней о чем-то...А вечером, когда Ксенька уже спит, рассказывает мне о Лене: удивительная притворщица! Как-то тайком отбирала у Ксеньки игрушку, вырывала из рук. Валя подошла на шум, и Лена, увидев ее, вдруг сказала Ксеньке: "Возьми, на, возьми!" И -уже Вале с милой улыбкой: "Вот, уронила и плачет, такая плакса!"

Помнит, что взрослые осуждают плакс... И в играх - Валя замечала простодушное вероломство Лены нет-нет да и проявится: то, пробегая мимо, толкнет, то, играя в прятки, затаится с другой стороны дерева, у которого Ксенька стоит зажмурившись, и потом с громким смехом выскакивает оттуда, стучит ладонью о ствол.

- С Катей Ксенька то ссорится, то в обнимку ходит, конфетки дарит, говорила Валя. - К Лене же у нее постоянная антипатия. Так что комплекс исключительности здесь, помоему, ни при чем. Ну, еще можно допустить, что конфликт обострило чувство соперничества, естественное в игре. Но главной причиной, на мой взгляд, была все-таки антипатия.

Почему же они вместе играют?

Наверное, потому, что с Леной играет Катя. А Ксенька еще слишком мала, чтобы или смириться с особенностями характера Лены или держаться от нее подальше. Скрыть же свое отношение не может. Да и не каждый взрослый в подобном положении сумеет.

Эти подробности круто меняют мое представление о случившемся... Суть оказывается в том, что Ксенька и в самом деле считает Лену плохой, что отношение это устойчиво. Возник повод - и у Ксеньки вырвалось... То же самое бывает и у нас, взрослых, когда в споре, увлекаясь, мы вдруг начинаем, как говорится, "высказываться не по существу", "переходить на личности", аргументируя свою точку зрения изъясными характера и поведения оппонента.

Странно звучит: Ксенька не любит, терпеть не может Лену.

Странно потому, что речь идет о трехлетнем человеке. Но разве человек, в каком бы возрасте он ни был, не имеет права когото любить, а кого-то недолюбливать? Почему этим правом должны обладать только взрослые?

Но сейчас в этом инциденте меня беспокоит собственная позиция: как легко я поддался версии - комплекс исключительности. И дело отнюдь не в том, что я не обладал полной информацией о случившемся. Я был предубежден. У меня была наготове схема, и игра в лото легла в эту схему готовой иллюстрацией. Я и не пытался даже искать другие причины инцидента, хотя знал, что действительность всегда богаче нашего представления о ней, нашей, пусть самой сложной, схемы. Такова сила инерции. Трудно пойти наперекор ей. Иногда выхваченное из контекста впечатление кажется подтверждением какой-то мысли. А оно оказывается лишь краешком совсем иного явления, порожденного неизвестными нам причинами.

Эти мои размышления привели меня к такому выводу: нужно всякий раз в конфликтной ситуации пытаться... перевоплощаться! Да-да! Ставить себя на место своего ребенка, воображая его ощущения, его внутренние, не оформленные в слова, монологи. Тогда родительская интуиция наверняка хоть отчасти поможет восполнить недостаток той или иной информации. По крайней мере приближение к истине будет максимальным.

Я решил провести эксперимент: один эпизод попытался увидеть вначале своими глазами, потом - глазами дочери. Вот что получилось.

Моими глазами: "Опять лампочка перегорела. Придется стол пододвинуть, а то не достану... Так... Ну, конечно, без Ксеньки здесь обойтись нельзя... Играла ведь, нет, нужно сюда заглянуть. Как все-таки это ее мельтешение утомляет! Неужели все дети такие, бесенята или только у нас? Что-то туго вкручивается... Ксения, ты зачем лампочку взяла? Положи на место!

Размахивает... Трахнет о край стола, осколки в лицо, в глаза...

Черт знает что! Положи сейчас же, немедленно!.. Фу ты, напугал ребенка, разве можно так кричать... Не плачь, Ксения, иди сюда, сядь, поговорим! Понимаешь, если она разобьется...

Нет, сейчас Ксенька ничего не понимает... Ну и лицо - обида крупными буквами! Как бы ей объяснить? Ксения, я тебе сейчас один секрет скажу... Кажется, чуть-чуть зацепило - секреты она любит. Надо почти шепотом, так таинственнее... Понимаешь, Ксения, лампочка умеет стрелять!.. Заинтересовалась, совсем хорошо... Да-да! Стрелять! Она внутри пустая, такая пустая, что даже сама на себя сердита и ей хочется изо всех сил бабахнуть. Так бабахнуть, чтоб осколки полетели и порезали все вокруг, как ты однажды палец себе порезала травой до крови, помнишь?.. Наверняка помнит, хотя тогда совсем и не ревела, была больше удивлена, чем испугана... И эта злая лампочка, Ксения, только и ждет, чтоб ее разбили, только и ждет!

Понимаешь? А мы ее спрячем в темную коробку, чтоб она никого не поранила. И не выпустим. А сами гулять пойдем. На качелях кататься. Ты меня покатаешь?.. Улыбнулась.. "Ну, кажется, все в порядке".

Глазами Ксеньки: "Папка на стол залез... Мне нельзя на стол с ногами, а ему можно... какой он на столе большой! Какие блестящие, круглые- в коробке! Возьму одну. Твердая. Не тяжелая совсем. Будто шарик. Прозрачный. Интересно, он летает? Если кинуть, полетит? Папа, смотри какой красивый!..

Почему у папы лицо плохое? И голос плохой... Отобрал шарик.

Всегда отбирает. Жадный папка... Я вот свои игрушки ему даю...

Ему хорошо, он большой. Особенно когда на столе. А мне и 'на стол с ногами нельзя, и ножницы нельзя, и нож нельзя. Ничего нельзя! И рубашка у него клетчатая, противная. Не хочу с ним рядом сидеть!.. Зачем-то голос у него тихий... Секрет хочет сказать... Про шарик секрет... Про лампочку... Пустая лампочка... А резиновый заяц в серединке тоже пустой, я видела. И он совсем не хочет бабахнуть. А лампочка хочет. И палец порезать, как тогда... Травка- вжик!- порезала. Щипало. Мама испугалась, а палец красный-красный! Красивый палец. Будто я его покрасила. Только щипало. Нет, не хочу, чтобы щипало.

Лампочка злая, пусть сидит в коробке. А мы пойдем на качели.

Папка такой большой, а хочет кататься. Я его буду катать, а у него ноги длинные. Задевать будут! Смешной папка! И голос у него хороший... И рубашка в клетку хорошая..."

Сейчас, перечитывая оба монолога и вспоминая, как менялось у дочери лицо во время нашего разговора, я начинаю понимать: когда мы, родители, чрезмерно поддаемся чувствам, у нас в общении с ребенком появляется эмоционально отрицательный барьер. Дочь видит искаженное гневом, "плохое" лицо, слышит резкий, а значит, "плохой" голос, и отношение к услышанным словам у нее соответственно тоже "плохое", отрицательное. Этот барьер мешает начать диалог с духовным естеством ребенка, с его сознанием.

Стоило изменить интонацию, и барьер исчез. Возник интерес. Не мог не возникнуть, потому что я знаю то, чего не знает дочь. Своим рассказом я раздвигаю границы ее знаний и ощущений. Включаю ее воображение в активное сотрудничество. Нечаянно возникает и "конструктивная" с юмористическим оттенком концовка разговора, отвлекающая от неприятной темы. Глаза у дочери оживают - ей уже все вокруг нравится.

Как это важно, оказывается, - умение найти верную интонацию! Даже в критической ситуации ребенка можно остановить не криком, а словом, за которым он увидит не произвол взрослого человека, а объективные обстоятельства... Да и в наших "взрослых" разговорах всегда ли это умение присутствует? Помню, как-то у меня с Валентиной, хлопотавшей на кухне у плиты, разговор вдруг перешел на повышенные тона - чуть-чуть стал резче, чем обычно. Ксенька здесь же (тогда ей было 2 года 5-месяцев), на кафельном полу, что-то чертила обгоревшей спичкой. Уловив это "чуть-чуть", она, не переставая чертить и не поднимая головы, заметила нам: "А ругаться нельзя".

...Иногда у меня возникает сомнение: а действительно ли мы, четверо взрослых, воспитываем Ксеньку? Похоже, что это она воспитывает нас.

Во всяком случае, если мы научимся смотреть на себя ее глазами, то увидим в себе немало других "чуть-чуть". И приходим к неизбежному выводу: самый эффективный способ воспитания ребенка - это наше родительское самовоспитание.

ШАГ ИЗ КРУГА

Несколько слов о том,
способен ли
человек существенно
изменить себя

Небольшой опрос на эту тему среди знакомых дал мне такие ответы:

- Не способен. Я вот знаком с такими материалами о вреде курения, что, казалось бы, только от одного страха перед последствиями должен бросить. Ане могу. Привычка!

- Способен, если попадет в экстремальные условия. Если осознаёт, что от его выбора зависят судьбы и его собственная и его близких.

- Да мы все живем в экстремальных условиях, только так притерпелись к ним, что не подозреваем об этом, - сказал третий, слышавший первые два ответа.

Он стал называть, загибая пальцы: крайне плотный темп жизни; повышенные психические нагрузки при недогрузке физической (гиподинамией); информационный бум и активность поверхностного, "делового" общения в ущерб его глубине и эмоциональной Содержательности; и наконец, рядом живущие, конфликтующие с нами, создающие у нас стрессовые состояния, дети, чьи судьбы зависят от того, как и о чем мы с ними разговариваем... Чем не экстремальные обстоятельства!

Но как их осознать именно такими, вот в чем сложность...

Особенно если они более или менее устойчивы. Ну хотя бы те же конфликты с собственными детьми: мало ли их? Даже есть успокаивающая поговорка на этот счет: ничего, мол, перемелется, мука будет. А раз так - стоит ли особо задумываться и беспокоиться? Многие решают: не стоит. Да, случилось, ребенок ни с того ни с сего вдруг нагрубил родителю, сделал наперекор, заупрямился, наскандалил. И понес за это заслуженное наказание. Послушный стал. А что его на такую неожиданную выходку толкнуло - кто ж его знает. Да и неважно, раз уж опять себя ведет правильно.

А что значит - правильно? По правилам, которые мы ему навязали посредством "заслуженного наказания", или по правилам, - ставшим его внутренней нормой поведения, его потребностью? Ведь известно, что принуждение в конечном итоге ведет к разрыву между внешним и внутренним, между поступками для окружающих (подконтрольными) и поступками для себя (бесконтрольными), то есть к отсутствию этического самоконтроля.

Потребность же самостоятельно оценивать свои поступки и руководить собой можно воспитать у ребенка лишь интересом к скрытым мотивам его поведения. Этот интерес заразителен.

Он заставляет ребенка обратить взор внутрь себя и удивиться: вот я какой! Этот интерес опасен для жаждущих внутреннего покоя взрослых, так как заставляет ребенка новым, обостренным взглядом посмотреть на своих родителей: так вот они какие!

Такой взгляд тревожит. Заставляет задумываться, делать неожиданные открытия. И оказывается: та ничем не мотивированная как будто бы грубость, тот поразительно беспричинный взрыв негативизма вызван так называемым "сенсорным голодом", иными словами - голодом по впечатлениям. Однообразие отношений, сведенное взрослым к контрольно-карающей функции, ограниченность самостоятельности, неспособность и невозможность выразить себя в какой-то деятельности, дающей радость преодоления, - вот что порождает такой голод. И конфликт - это сигнал тревоги, это, если хотите, род "обратной связи", которой были лишены отношения взрослого с растущим человеком.

Конфликт ставит родителя перед выбором: перестраивать характер отношений (а это значит - существенно менять самого себя) или пойти по легкому и на первый взгляд самому короткому пути "заслуженного наказания". Только вот ведь какая особенность у человеческих отношений: в них самый короткий путь не всегда верный. И часто бывает

коварно разрушительным: исподволь разъедает основу отношений.

Другой же, нелегкий, непростой и уж точно не самый короткий путь самовоспитание. Водном, несколько лет назад выпущенном словаре-хрестоматии оно объяснено так:

"...это деятельность человека с целью изменения своей личности". Там же сказано, что личность - это человек, обладающий таким уровнем психического развития, который делает его способным управлять своим поведением и деятельностью, а в известной мере и своим психическим развитием.

Изменить личность... Перестать быть самим собой? Да не шутка ли это? Но вот и у Заболоцкого в часто цитируемом стихотворении "Метаморфозы" есть такие строки:

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!

Лишь именем одним я называюсь,

На самом деле то, что именуют мной

Не я один. Нас много. Я - живой.

Человек меняется не только внешне. Человек меняет себя "изнутри": выбором специальности (она, бывает, резко изменяет гравитички, взгляд на мир). Выбором супруги или супруга (в тесном общении с другим можно даже научиться по-новому смеяться и жестикулировать). Выбором той или иной установки на воспитание своего ребенка: "позиция силы" или лишенное нажима общение? С первым вариантом все просто и ясно. по крайней мере-вначале. Со вторым-сложнее: какой-то он туманный, наверняка таит в себе неожиданности, а "жизнь и так пошла нервная...". Действительно, второй вариант обрекает родителя на постоянное беспокойство... На исследование своего ребенка и самоисследование... На поиск новых форм и нового содержания общения, потому что ребенок-то растетон воплощенное движение времени, время во плоти, меняющее форму тела, тембр голоса, характер поведения и, наконец, потребности нашего дитяти.

Приноровиться к этому постоянному движению-значит самому внутренне быть подвижным, обостряя чувство самоконтроля, от чего-то удерживая себя, к чему-то себя направляя. Так общение с ребенком превращается в катализатор, ускоряющий постоянный и до того, может быть, мало ощутимый процесс самовоспитания. Это общение в конечном итоге становится сотворчеством двух личностей, одна из которых только рождается, а другая-пересоздается, вырываясь из монотонного круга обыденщины на новый виток своего развития.

Это общение заставляет ценить каждый день, час, минуту жизни, обостренно чувствовать ее скоротечность и - торопиться: ведь предела своим возможностям ни один человек не знает.

Запись 8-я

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

О родительской руке, умствен

ном иждивенчестве

и трудных ответах

на легкие вопросы

На горке к ледяной дорожке - очередь. Двигается медленно. Съезжают на корточках, на животе, на картонке. Самые отважные - на ногах, во весь рост, растопырив руки. Кричат на весь парк тем, кто копошится внизу: "С дороги, куриные ноги!" Ксенька долгое время съезжала на корточках. Потом полуприсев. Наконец, поехала выпрямившись. И упала. Опять каталась на корточках. Но постепенно приподымалась, пока не стала уверенно съезжать, выпрямившись. Лицо горит от мороза и удовольствия! Меня же распирает чувство гордости: молодец девчонка! Сама, без подбадриваний и понуканий освоила "технику катания". Не хныкала, когда падала.

Как-то она крепко ушиблась об острый выступ смерзшегося снега - его глыбы оставила с краю аллеи снегоуборочная машина, и мальчишки именно там, на хребтах и вершинах этих глыб, протоптали себе чуть заметную коварно-извилистую тропку. Поскользнувшись, Ксенька свалилась. Несколько секунд лежала без движения и звука. Я бросился к ней: лицо

искажено гримасой боли. Стал поднимать, спрашиваю, где болит. Она перевела дыхание, сказала: "Главное - не заплакать!" И - опять побежала по той же тропе. Может быть, потому, что, обгоняя ее по этим глыбам, бежали с веселыми воплями мальчишки, и ей не хотелось отставать...

Ей, кажется, не было еще и двух лет, когда мы начали играть в "спортивные соревнования": прыгать с детского стульчика на пол. Ксенька изо всех сил старалась прыгнуть дальше куклы Милы и Буратино. Ее заносило вперед - звонко шлепалась руками на пол. Однажды - подбородком. Всхлипнула было, но не разревелась. Ведь на спортивных соревнованиях не плачут!

Сейчас ей три года девять месяцев, то есть "спортивный стаж"

почти два года. И вот что любопытно: от физической боли почти никогда не плачет, только в конфликтных ситуациях - от обиды.

На горке появилась фигура в пальто с пушистым воротником. Чья-то мама. Она держит за руку рослую девочку явно школьного возраста. Вот подошла их очередь. Мама выводит дочку на ледяную дорожку. И - бежит рядом, не отпуская ее руки. Девочку качает вперед-назад. Она полагается не на себя, а на мамину руку, и потому, не сохранив равновесия, падает. Ее, рослую, маме удержать трудно.

...Как все-таки важно вовремя перестать держать ребенка за руку. Не только в прямом, а и в переносном смысле. Но вот беда: нам почему-то кажется - чем крепче держим мы свое чадо за руку и больше докучаем ему предостережениями, советами, подсказками, тем лучше выполняем родительский долг.

На днях в троллейбусе, притиснутый толпой к заднему стеклу, услышал впереди, возле кассы, знакомый голос... Валера!

Вместе в институте учились... Удалось разглядеть за головами стоящих чеканный профиль, увенчанный ондатровой шапкой, его миловидную спутницу и примерно четырехлетнего мальчишку, который, забравшись с ногами на сиденье, водил пальцем по боковому стеклу. Валерку я не видел лет шесть, слышал о нем от знакомых, что у него жена, сын... Он, конечно, посolidнел, однако меня поразило другое: с какой скучной менторской назидательностью выговаривал он что-то сыну довольно громким, самоуверенным баском! И это тот самый Валерка, забавный шутник и отчаянный модник, явившийся однажды на занятия в малиновом пиджаке... Что делает с мужчинами семейная жизнь!

Если бы такие изменения я замечал у себя... Вчера вечером выбирали с Ксенькой книжку - почитать перед сном. И она в двенадцатый, наверное, раз раскрыла Носова - рассказ "Наш коток". Я жаловался на то, что у меня болит язык читать одно и то же, предупреждал - будет скучно, но она твердила: "Не будет!" Тогда я включил магнитофон, прочитал ей рассказ и объяснил, какую клавишу нужно нажать, если в следующий раз ей опять захочется услышать историю про коток. Сегодня вечером Ксенька так и сделала. Я услышал свой голос, и мне стало плохо. Я не знал, куда спрятаться, как уговорить Ксеньку выключить этот бесстрастный механизм, который воспроизводил с буквальной точностью мои поучающие интонации. Надо же ухитриться так прочесть веселый, совершенно неназидательный рассказ Носова!.. Потом на кухне, за чаем, вслушивался в собственный голос и изо всех сил старался говорить подчеркнуто бодро, предельно деловито, что, конечно же, вызвало на Валином лице улыбку.

Н-да, сложно быть отцом семейства, пусть даже небольшого. Откуда они, эти интонации? Не говорю же я так с Валею, с приятелями, с продавцами в магазине. Видимо, с ними я обмениваюсь необходимой-информацией как с равными. А ребенок для меня все-таки существо низшего порядка. Хотя логически я уже давно пришел к выводу, что это не так, что он "просто совсем другой человек", вроде инопланетянина со своими особенными представлениями об окружающем мире. Только одно дело - логика, другое - инерция эмоционального отношения.

Трудно, очень трудно сразу перестроиться!

Как-то в парке мы с Ксенькой делали из снега лопатками домики -что-то среднее между

земляной и" жилищем эскимосов. У Ксеньки постоянно проваливалась крыша, и она начинала снова. Хотел было подсказать и вовремя удержался. (Накануне, примерно в такой же ситуации, - рисовали, у нее не получалось - вмешался, показал, как нужно, и ей тут же стало скучно.) Наконец, Ксенька подошла ко мне ближе, присела на корточки: "А еще один дом сделай!" Она внимательно смотрела, как я вначале плотно утрамбовывал кучку снега, из нее сформировал куб и затем только стал прокапывать в нем вход в дом. "А почему крыша не падает?" - спросила она. "Потому что снежинки крепко сцепились, когда я по ним лопаткой стучал". Пошла строить. Через несколько минут сообщила, сияя: "Ду меня тоже сцепились!"

Видимо, отношения с Ксенькой постоянно нужно строить так, чтобы быть при ней в роли "товарища по работе", с которым бы она могла посоветоваться. Причем тут нельзя опережать ее вопросы, перехватывать инициативу. Мое дело - создать проблемную ситуацию. "Озадаченная" же, она сама .

будет искать ответ. И одним из источников информации окажусь я, моя деятельность... Вот если бы нас, родителей, на каких-нибудь специальных курсах учили создавать такие ситуации!

Вопросы Ксеньки, как вехи, точно обозначают путь её развития... Недавно она спросила Валу: "У тебя мысли крутятся?"

Валя, подумав, ответила: "Да, крутятся". Ксенька удовлетворенно отметила: "И у меня тоже". Оказывается, она ловит себя на том, что ДУМАЕТ. Для нее это уже род деятельности, на которую можно посмотреть со стороны. И - посмеяться, если пришла в голову забавная мысль. Однажды, хитро улыбаясь, спрашивает: "А где у коленки локоть?". Потом, показывая на коленную чашечку, говорит хохоча: "Вот он!" Ее вопросы теперь менее хаотичны. И ответы выслушивает терпеливее, чем раньше. "Как делается стекло?", "Из чего получается бумага?", "Кто делает шторы?" Объясняя, вдруг обнаружил: не умею коротко, ясно, а главное - занимательно! рассказывать.

Хотя каждый ответ можно превратить в остросюжетную историю, которая, вероятно, вызовет следующие, уже предугадываемые вопросы.

Наверное, родитель, имей он под рукой книжку с подобными познавательными-увлекательными историями, следующими одна.

за другой по принципу ассоциативной цепочки, смог бы легко, в непреднамеренных разговорах дать дошкольнику много необходимых знаний. Дать - по его просьбе. Провести по тропинке знаний, не держа за руку. Без докучливых замечаний: "Не вертись! Не болтай ногой!" И, что очень существенно, - с азартом.

Ведь это же очень увлекательное занятие - отвечать на вопросы почти четырехлетнего человека, следить за его живой, непоседливой мыслью, видеть, как она становится все более упругой и цепкой. И давать ей материал для самостоятельной работы.

Самым приемлемым для Ксеньки материалом оказались все-таки не мои рассказы и не диафильмы, и не гибкие пластинки из журнала "Колобок", и даже не мультфильмы по телевизору, а книжки. Перед сном она слушала почти все, что ей читали, пока что-то вдруг не поражало ее. Тут мы начинали "ходить по кругу" -- читать пятый, седьмой, двенадцатый раз одно и то же. "Скучно же", - убеждали мы с Валею Ксеньку.

"Нет, интересно!" - упрямылась она.

Особенно возмещали меня вначале книжки, в которых герои-звери вступали в отношения, зверям не свойственные.

"Зачем ребенка дезориентировать?" - думал я и даже как-то записал об этом в дневнике. А ребенку нравилось. Он требовал:

"Чуковского! Про крокодила!" И я в конце концов сдавался - читал. Потом понял: эта звериная феерия - озорство воображения. Не назидание, не мораль здесь главное, а раскованная работа мысли, облеченной в образы.

Конечно, мне, "технарю" по образованию, нужна была в детских книжках в первую очередь полезная, максимально точная информация о жизни. И я не сразу понял, что они

несут в себе такую информацию, но - закодированную в образах и потому наиболее воспринимаемую детским воображением.

Оказывается, это очень емкий способ передачи знаний: образно действующие в книжках Чуковского, рассказывают не только о разнохарактерных отношениях, добрых и недобрых поступках, умении сочувствовать, помогать, дружить, что-то отстаивать, за что-то бороться. Но еще передают состояние души автора. И как передают! Глаза у Ксеньки начинают озорно блестеть, лицо становится подвижным: на нем -то улыбка, то настороженность, то озабоченность, то снова улыбка.

Но что меня и сейчас не перестает возмущать - это книжки, населенные "плохими" и "хорошими" зверями. Они изо всех сил стараются внедрить в сознание ребенка незыблемую, примитивную схему, в которую пытаются втиснуть сложнейший мир человеческих отношений. По своей железобетонной конструкции эта схема не что иное, как истина в последней инстанции.

Только неоднозначный, полнокровный образ может заставить думать и чувствовать. Назидательные же книжки, лишённые самоценной образности, приучают не к труду ума и души, не к сотворчеству, а к потребительству, к иждивенческой привычке пользоваться чужими выводами. То есть к умственной, а значит, и к душевной лени.

Эту лень порождает уверенность в том, что совсем не обязательно самому думать: любую жизненную ситуацию можно подогнать под одну из схем, объясняющих все. Схема оказывается в роли той самой мамы, которая вывела рослую дочь на горку, держа за руку... Но жизнь настолько многообразна и неожиданна, так легко ломает все и всяческие схемы, что немудрено поскользнуться.

Я могу только догадываться о том, что именно занимает теперь Ксеньку в рассказе Носова "Наш каток", который мы читаем уже вторую неделю (и ведь рассказ-то не для ее возраста)! Но, думаю, дело вот в чем: там действуют живые люди - мальчишки, их родители, управдом. Этим людям она видит каждый день - во дворе, на лестничной площадке. Они для нее загадка. И вдруг рассказ, словно мановением волшебной палочки, делает этих людей для Ксеньки (через забавную конфликтную ситуацию) ближе, яснее. Помогает понять их такими, какие они есть. Дает материал для сравнения и анализа для той невидимой работы, которой она занята сейчас все свое время, не деля его на труд и досуг.

Мы возвращаемся из парка домой. Вверху, в вечернем небе, за сплетением веток скользит - движется вместе с нами - тонкий ломтик месяца. Ксенька останавливается - перестает двигаться за ветками и месяц. Она идет дальше, потом пробегает несколько шагов и сообщает мне.

- И он бежит!

Спрашивает:

- Месяц -это ребенок у Луны, да?

Навстречу нам по аллее неторопливо и молча прошли двое пожилых людей. Когда они оказываются позади нас, Ксенька интересуется:

- А у всех людей есть дети?

- Нет, не у всех.

Она ненадолго задумывается.

- А им грустно, да?

- Очень грустно.

Это нарушает равновесие в ее благополучном мире и потому - не нравится. Пройдя несколько шагов, она предлагает:

- Пусть тетя Маша отдаст тем людям Аню. И у нее останется Нина.

Речь о маме из соседнего подъезда, у которой - двойня.

Пробую объяснить, что тете Маше одинаково дороги обе дочери. Не понимает.

- Надо делиться, - очень не к месту повторяет Ксенька бабушкины слова, точно копируя ее строгую интонацию.

- А почему снег хрустит? -отвлекается она вдруг.

- А ты как думаешь?

Молчит. Думает.

- Снежинкам больно, - говорит она. - На них наступаешь, и они пищат.

- А потом почему не пищат, когда протоптана?

Опять задумалась. И - обрадованно.

- Потому что сцепились. Крепко-крепко! Им уже не больно.

Через минуту:

- А как делаются снежинки?

Рассказываю ей про облака. Она идет рядом, глядя по сторонам, пиная носком валенка куски смерзшегося снега.

Такое впечатление, будто не слушает. Но стоило мне кончить, спросила.

- А облака откуда берутся?

Потом она, конечно, спросила, откуда взялись озера и реки, камни и деревья. Когда мы были у подъезда нашего дома, она уже знала, что наша Земля круглая, как мяч, и спросила:

- А откуда взялась Земля?...

Наверное, ни на одной пресс-конференции не замучивают так какого-нибудь деятеля своими вопросами десятки дотошнейших журналистов, как это делает с родителем один четырехлетний ребенок!

Сказал об этом Вале. Она призналась: "Я с ней очень устаю. Мало того сама непоседа, да еще мысли у нее так и скачут с одного на другое. Иногда говорю ей, помолчи хоть минутку..."

Но молчать, как я заметил, ей некогда. Она торопится жить.

У нее, видимо, иное ощущение времени. И темп жизни - другой. Может быть, это темп завтрашнего дня?..

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Несколько слов

о коварстве

"эффекта ореола"

Ребенок живет "быстрее" взрослого. Быстрее меняется.

Мы же частенько не успеваем менять о нем свое представление. И, обнаружив разночтения с оригиналом, изумляемся.

Или -сердимся.

Да разве виноват он в том, что мы проморгали момент, когда перестраивался его внутренний мир?!

Предлагаем ему книжку или игру, привычно шутим, ожидал оживления. А он мнетса, с удивлением поглядывая на нас. Да, месяц назад все это ему было интересно. Сейчас - нет. Он вырос. Он другой.

Вот что говорит психолог А. Бодалев в своей крайне необходимой и для родителей и для учителей книге "Формирование понятия о рругом человеке как личности".

- Развитие тесных контактов между людьми может привести к тому, что субъект будет с опозданием фиксировать или даже вообще не замечать изменения во внутреннем мире другого человека... Будет строить свое поведение по отношению к нему исходя из устарелых представлений о его личности...

В этих случаях развивается явление, получившее в психологической литературе название "эффекта ореола".

Инерция представления о своем ребенке мешает. Иногда приводит родителей к драматической ситуации: они открывают вдруг в своем отпрыске совсем незнакомого человека! Хорошо если - хорошего. А если - плохого?.. Как неожиданны и горьки бывают такие открытия для тех, у кого дети, став подростками, внезапно оказываются правонарушителями. Случается, папы и мамы не верят, когда на суде возникает истинный портрет их чада: "Не мог он так поступить!" А он поступил. Он легко приспособился к устоявшемуся родительскому представлению о нем - был дома снисходительно-терпелив к

привычным назиданиям. На улице же, в компании, преображался, давая волю накопившимся эмоциям.

Родители часто забывают об одной особенности растущего человека: он очень чувствителен к тому, что от него ждет ближайшее окружение- В хорошо знакомой мне семье полуторагодовалый малыш, недавно научившийся ходить, однажды, под впечатлением от "фигурного катания", которое он вместе со всеми видел по телевизору, сделал "ласточку", держась одной рукой за стул. Взрослые, разумеется, были в восторге. Он запомнив это, потом стал делать "ласточку" специально, чтобы увидеть сияющие родительские лица. И -- что самое важное -делал это в тот момент, когда родители почему-либо на него сердились. Сердитость, конечно же, мигом слетала с их лиц. а маленький хитрец, добившись желаемого, брался за следующие проделки.

Да и в общении взрослых... Разве редко бывает: человек "открывается" своему ближайшему окружению именно той стороной, которую от него ждут! И оказывается: в семье он один, на работе-другой, а в компании друзей студенческих летгретий... В упомянутой книге А. Бодалев рассказывает о юзультатах исследований, выяснивших: на формирование понятия о другом человеке влияют профессиональная принадлежность, возрастные особенности, специфичность интересов, душевная развитость (или неразвитость) и многое другое.

Поэтому какой-нибудь Сидоров может увидеть в Иванове такое, что окажется недоступным зрению, допустим, Петрова. Оттого и случается так: Сидоров с Петровым говорят об Иванове, как о двух разных людях.

Нередко подобная ситуация возникает в школе: учитель и родитель в разговоре об одном ребенке обнаруживают, что говорят как бы о двух разных детях. А на самом деле каждый из них-w учитель, и родитель-оказался зеркалом, отразившим, в силу своего положения, разные стороны характера растущего человека.

Как научиться видеть его целиком, в движении, в противоречиях развития, не поддаваясь инерционной силе "эффекта ореола"?

Необходимо тренировать наблюдательность. Как, например, спортсмены тренируют тело. А. Макаренко писал об этом так: "Можно и нужно развивать просто физическое зрение...

Нужно уметь читать на человеческом лице, на лице ребенка...

Ничего хитрого, ничего, мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений".

Есть комплекс специальных упражнений, развивающих наблюдательность. Один мой знакомый часто затевал с сыномдошкольником такую игру: они соревновались, кто, один раз взглянув, точнее опишет, во что одет дядя, гуляющий во дворе с собакой. Потом - какое у него выражение лица, настроение.

Затем - упражнение, развивающее воображение: о чем думает сейчас дядя, а о чем - собака. Немного погодя, они стали так же описывать настроение и воображаемые мысли друг друга.

Этот тренаж необходим растущему человеку не менее чем взрослому, потому что он тоже подвержен инерции "эффекта ореола". Разница в темпах жизни создает у него обманчивое впечатление: взрослый не меняется. Такой невольный самообман закрепляет неумение понимать душевное состояние родителей, вникать в сложные обстоятельства их жизни.

Отсюда - подростковый максимализм: поспешные оценки, однозначность выводов, нетерпимость ко всему, что не укладывается в привычную схему. Во избежание этих бед (а подобный максимализм нередко приводит даже к родительским инфарктам) нужно учить ребенка преодолевать инерцию "эффекта ореола". Учить -проблемно, организуя ситуацию, которая заставляла бы его дотошно внедряться в открывшийся пласт жизни.

И вместе с ребенком самому учиться (всегда заново!)

искать истину, не довольствуясь поверхностным впечатлением.

Запись 9-я

ЧУЖАЯ ОБИДА

О коте Ваське.

тяге к животным

и умении сочувствовать

Выходной день. В окнах солнце. Волнистый попугай Кузя - недавнее приобретение - звонко цвиркает, сидя на клетке. Даже тогда, когда он не летает по комнатам, его слышно во всех углах нашей новой квартиры. (Сколько с переездом было хлопот - радостных, конечно, - страшно вспомнить!)

Смотрю газеты. Слышу: осторожными шажками подходит к креслу Ксенька (ей сейчас четыре года и три месяца). Некоторое время стоит сбоку молча. Потом садится на ручку кресла, кладет голову мне на плечо и вздыхает. Вздох такой тяжелый, что я пугаюсь.

- Тебе чего, Ксения?

- Хочу к бабушке с дедушкой.

Об этом она твердит чуть ли не каждый день. Ей в новой квартире слишком пустынно. Общество Кузи не веселит - попугай больно щиплется, когда его хочешь погладить по изумрудным перьям. В детском саду, куда недавно стала ходить, она подруг завести не успела.

Мне ее жалко. Думаю вслух: "А что если нам и в самом деле поехать к бабушке с бабушкой?" Ксенька нетерпеливо приплясывает: "Поедем! Поедем!" Мы идем с ней на кухню - советоваться с мамой. Но она в ванной - затеяла стирку. Ни о какой поездке говорить не хочет.

Ксенька расстроена. Канючит: "Ну, поедem, без мамы!"

Сказать твердо - "нет"? Но ведь нужно объяснить, почему: мы в гостях развлекаемся, а мама здесь - руки в мыльной пене, ворох белья... Только ведь это объяснение вызовет лишь досаду на маму: надо же, не вовремя за стирку взялась.

- Ну, поедem! Ну, пожалуйста!

Умоляющее лицо. Вот-вот заплачет. Ну что ты будешь делать?

- Хорошо, - говорю, - поедem. Но вначале давай сядем и представим: что будет здесь делать мама одна?

Ксенька садится на ручку кресла. Немножко поговорить она согласна, раз решено ехать.

- Мама будет стирать, - отвечает.

"Никакого сочувствия! - думаю с отчаянием. - Неужели не понимает, что мы будем отдыхать, а мама в выходной день - работать!"

- Ей будет грустно одной, - начинаю издалека.

- А с ней Кузя останется, - не соглашается Ксенька.

- Да, пожалуй, ты права, - киваю.

Лихорадочно ищу выход из этой ситуации. Наконец, вот оно - забрезжило! Импровизирую:

- Давай представим: Кузя летает по комнате, громко цвиркает, чтобы маму развеселить. Так, да? Но маме все равно грустно. Она стирает и думает: "Оставили меня здесь, а сами уехали". Ей обидно. Так обидно, что слезы вот-вот закапают.

Кузя увидел ее грустное лицо и влетел в ванную, стал ей помогать Ксенино платье стирать. Крыльями помогает - не получается. Лапками - тоже неудобно. Стал клювом помогать. А клюв кривой и острый, только платье порвал. Мама еще больше расстроилась. Бросила все, села вот в это кресло, слезы по щекам текут. А Кузя у нее на плече топчется, что-то в ухо цвиркает, успокоить хочет.

Молчу. Ксенька тоже молчит. Потом признается:

- Мне даже плакать захотелось.

Я все еще молчу.

- Давай маме поможем, - предлагает она.

- Мы идем к маме, которая немедленно вручает нам по тряпке и отправляет вытирать пыль. "А если бы Кузя вытирал пыль, - продолжает фантазировать Ксенька, - у него бы опять не получилось, да? Мама еще хуже расстроилась бы. А мы все вытрем хорошо, и мама будет веселая... Правда?"

Нет, она отнюдь не бессердечная... Помню, в то время, когда еще не выговаривала букву "р" по утрам, бывало, ленилась сразу вставать. Обычно же она всегда провожала меня до коридорной двери. Как-то говорю ей: "Вот не проводишь, я буду на работе весь день грустить". Быстро умылась, проводила. Вечером, услышав, как щелкнул дверной замок, выбежала в коридор, ухватила за рукав пиджака, спрашивает, пропуская трудную букву "р": "Ты не густил?" Надо же, весь день - а для нее это вечность - помнила!

Но почему же сейчас, вначале нашего разговора о маме, не могла сама понять, что маму нужно пожалеть, что ей нужно помогать? Видимо, привыкла: большие жалеют маленьких, помогают им, а не наоборот. Однажды читали сказку о том, как маленькая мышь помогла большому льву выбраться из ловушки: перегрызла сеть. Ксеньку история со львом и мышью поразила-несколько дней подряд вспоминала. Для нее это не норма, а исключение... Вот что мы упустили: мы должны были сделать нормой ту, доступную ей, помощь, которую она могла оказывать нам, взрослым.

А мы... Даже поливку цветов, бывает, не доверяем: бабушка или мама норовят сами. Мол-де воду по комнате расплещет - лишние хлопоты.

Да, разумеется, мы должны опекать ее, заботиться о ней, даже жертвовать чем-то ради нее. Только иногда, я думаю, эта жертвенность - ей во вред. Не раз было: приходит Максим Петрович с работы усталый, ему бы отдохнуть, но зовет Ксенька. И дед идет играть. Потому что уже взял за правило откликаться на первый же ее зов... Мы тем самым лишаем ее возможности нам, взрослым, посочувствовать. Потом удивляемся: почему не может сразу, самостоятельно понять, когда взрослому трудно?!

Конечно, легче научить ее сочувствию в заботе о маленьком, зависимом от нее существе... Поэтому и купили попугая...

Помню, когда были в зоомагазине, она сама увидела его в вольере золотистая голова, голубая переносица, изумруднозеленое оперенье с черной полосой на концах крыльев. Первое время она подолгу сидела у его клетки, наблюдала: вот он возится кривым клювом у себя под крылом, роняя красивые перья. Вот хватает овес, вышелушивает сладкую сердцевину, сорит. А когда летит через всю комнату - со свистом, упруго трепеща крыльями, Ксенька испуганно и счастливо жмурится, втягивая голову в плечи.

Однако очень скоро она охладела к нему: слишком скудным было общение. Приходилось напоминать: "Ксения, ты не забыла дать Кузе корм? А воды напил? А газетку сменила?" Как-то ей совсем в тягость стало это ухаживание. Предложила: "Мама, пусть Кузя будет твой!" Валя удивилась: "И тебе не жалко?"

"Нет". Но дня через два все-таки пожалела, увидев, как Кузя переступив с жердочки на мамин палец и, посидев на нем, порхнул ей на плечо. "Мама, пусть он опять будет мой!"

И тут я не разрешил... Конечно - шум, слезы: "Я его сама в магазине выбирала!" Посадил ее на диван, сказал: "Можно будет, только если насовсем!" "Почему?" "Потому что он живой, он привыкает к кому-то одному и ему грустно, если его передают то одному, то другому". Молчит, насупившись. Не нравится ей весь этот разговор. "Вот ты представь себе, продолжаю, - приходят к нам дядя Миша с тетей Таней и говорят про тебя: какая девочка хорошая, отдайте ее нам. И мы тебя отдаем. Тебе же будет грустно, правда? Так же и Кузе..."

Смотрит недоверчиво.

После разговора стала ухаживать за Кузей с особым старанием. Правда, длилось это всего с неделю, потом опять стало скучной обязанностью. Но разговор не забыла. Однажды читали книгу, и в паузе она вдруг спросила меня: "А вы с мамой меня не отдадите дяде Мише?" Значит, думала и, может быть, потихоньку побаивалась. И ухаживала за попугаем из наивной боязни оказаться в его положении.

С котом Васькой (гостил у нас в Березовке одно лето - знакомые дали) все

складывалось иначе. Ксенька носила его на руках после купания -завернутого в старое одеяло, баюкала, любовно глядя на усатую мордочку. Стоически терпела, когда он расцарапывал ей в кровь руки. Без устали играла, дразня его бумажкой на нитке. Пыталась дрессировать и кормила с рук, подставляя ему ладонь ковшиком. От его усов руке было невыносимо щекотно, однако Ксенька и это переносила, прыскаая, но не отнимая руки.

Не переносила она только его временных исчезновений.

Приходила, заплаканная, жаловалась: "Васька убежал в кусты, за забор..." "Ты его, наверное, без конца на руки берешь?" "Не без конца, иногда отпускаю..." "Ну не плачь, он немножко погуляет один, соскучится и вернется". Когда Васька возвращался, она радостно вопила: "Вот он, уже соскучился!" Однажды прибежала, испуганная: "Мама, Ваську еще один кот побил, надо зеленкой лечить!" Действительно, Васька был крепко исцарапан, утробно мяукал и вырывался, когда мы его мазали зеленкой, Ксенька же приговаривала в это время: "Ой, больно ему, ну, не плачь, сейчас пройдет, я подую!" И дула изо всех сил.

Она чувствовала в этот момент его боль, как свою, это было очевидно. Он для нее, видимо, стал существом, с которым она легко отождествляла себя, гораздо легче, чем со взрослыми.

Интересно -почему? Не потому ли, что она на лестнице развития пока занимала ступеньку, которая была ближе к "братьям нашим меньшим", чем к взрослому человеку? А, может быть, и какие-то другие причины заставляют ребенка так тянуться к животным...

Об этом я задумался после разговора с Валею. Она наотрез отказалась в новой квартире заводить какую-либо другую живность: "Хватит с нас Кузи". "Не хватит, - настаивал я. - Ребенок вырастет эгоистом..." Максим Петрович, узнав о наших спорах, с сомнением покачал головой: "Не знаю, стоит ли. Валя у нас одна росла, тоже среди четверых взрослых, никаких ей собак и кошек не покупали. И хорошим человеком выросла".

Вера Ивановна поддержала его. Они оба с молчаливой, никогда не демонстрируемой безразличностью относились к собакам и кошкам, живущим в городских квартирах...

Разговорился на эту тему у себя на работе. Мой скептически настроенный приятель заметил, что любовь к животным, как установлено опытом, отнюдь не всегда способствует воспитанию любви к человеку и человечеству. "Вот что мы любим несомненно, -добавил он язвительно, -так это простейшие формулы: раз жесток с животными, значит, жесток и слюдьмк.

Ну а если возится с кошкой, то и человека непременно пожалеет. Только жизнь в такую схему почему-то не хочет уклады ваться..."

У меня в детстве был замечательный пес-дворяня: поджарый, лапы тонкие, стройные, морда умная. Взял его у соседей щенком, растил "по системе", вычитанной из книги о пограничниках. Прибегал из школы, портфель за шкаф и - с псом в соседнюю рощу. Носились оба, как сумасшедшие. Но потом словно кто-то меня под локоть толкал, начинал долгую дрессировку: заставлял пса приносить палку и прыгать через ямы..

Сейчас, вспоминая, понимаю: школьные уроки, учительские голоса, звонки, скучные ответы у доски, которые обязан слушать, в конце концов накапливали во мне какую-то злую энергию. И я растрчивал ее в той самой дрессировке. Любимого пса просто замучивал, иногда, вспыхив, даже поколачивал - он, скуля, убежал домой. Брел домой и я, стыдясь своего поступка. Подлизывался к четвероногому приятелю, закармливая его. В общем - сложные отношения... А бывают ли они простыми?

Вот, например, Ксенька. Что заставляет ее так неудержимо тянуться ко всему живому и маленькому? Ну, наверное, в первую очередь жажда опеки. (Как забавно таскала она кота.

завернутого в одеяло.) Во-вторых, конечно же, чувство товарищества. Кот был для нее почти сверстником, с которым можно озорничать, сколько захочется. Для одного ребенка в семье.

лишенного общества брата и сестры, это, видимо, очень важно иметь такого приятеля. Только дружба у них не всегда на равных. Даже чаще всего - не на равных. Один очень любит дрессировать другого. И безнаказанно, если не считать царапин, злоупотребляет

преимуществом силы, может быть, тем самым ослабляя "комплекс зависимости", возникающий у него в отношениях со взрослыми.

Поэтому совсем не исключено, что третья причина тяги детей к животным -это неосознанное желание ослабить свой "комплекс зависимости"... Когда Ксенька стала ходить в детсад, у нее, я заметил, появилась такая игра: рассаживала на диване кукол и, прохаживаясь по комнате, покрикивала: "Буратино! Ты опять не доел кашу! Мила! Встань, ты будешь наказана!"

- Да разве можно на них кричать? - говорю ей.

Она, строго хмурясь, поясняет:

- У нас воспитательница Наталья Борисовна так разговаривает.

Подражание, ролевая игра - все это так. Но не растрчивает ли она еще таким вот образом накопившиеся отрицательные эмоции? И если мы заведем щенка, то не станет ли он поводом к разрядке досады и раздражения?

...В этот день, после того как Валя закончила свои дела, мы все-таки поехали к бабушке с бабушкой. Ксенька была счастлива. Она всех теребила, бегала из одной комнаты в другую, переспрашивала: "Здесь моя кровать стояла?" Очень заважничала, когда вошедшая баба Глаша всплеснула руками и пронзительным голосом пропела: "Это ж надо, какая большая выросла!"

Потом, чувствуя на себе взгляды пятерых взрослых, прыгала, "показывала балет", гримасничала, так разошлась, что не могла остановиться, и на замечание Веры Ивановны, смеясь, сказала что-то обидное. Что именно никто кроме самой Веры Ивановны не расслышал. Только вдруг бабушка резко встала, молча ушла на кухню.

...Вечер. Ксенька укладывается спать. Просит: "Почитай сказку". Об инциденте с бабушкой мы уже говорили, но у меня от разговора осадок. Чувство неудовлетворенности. Она, конечно, все поняла. Но поняла умом, а не сердцем.

- Может быть, лучше рассказать про Чум-Бурума? - спрашиваю ее.

- Расскажи, давно не рассказывал! - радуется Ксенька, забираясь под одеяло.

В этой ее радости мне сейчас чудится что-то сыто-потребительское жажда еще одного, последнего перед сном, развлечения. Инцидент с бабушкой забыт напрочь.

- Однажды Чум-Бурум и его лучший друг Заяц отправились в гости к Медведю, - начал я. - В лесу было солнечно, пели птицы, в овраге звенел ручей, а в осиннике стучал дятел.

Чум-Бурум прыгал с тропинки на травинку, с листка на куст, с куста на ветку. Иногда его подхватывал ветер, нес как воздушный шар. Тогда Чум-Бурум кричал Заяцу: "Давай-давай, не отставай!" А Заяц петлял меж кустов, стараясь не потерять его из виду...

Я рассказывал, еще не зная, какой получится сегодняшняя история про Чум-Бурума. Обычно придумывались такие истории легко. Началось же в Березовке, в хмурый и ветреный день, когда лужи во дворе пузырились от дождя, верхушки берез мотались от порывов ветра, а мы с Ксенькой смотрели на все это из окна. Вначале придумался герой - маленький шарообразный человечек, прозрачный и сверкающий, появившийся в траве после дождя. Вместе с Ксенькой мы сочинили ему имя, чем-то напоминающее этот дождливый беспокойный день: ЧумБурум. Он поселился на ветке старой березы - его туда занесло ветром, пел по утрам песни, питался росой и дождевыми каплями, дружил с Медведем и Зайцем. С ним случалось множество приключений. Одно из них должно случиться сейчас.

Какое?

- ...А вот и берлога. Медведь обрадовался гостям, давай их угощать медом и малиной, сушеными грибами...

- Вареными, - поправляет меня Ксенька.

- Да, конечно, вареными, - соглашаюсь я. - Потом они пошли на соседнюю полянку и там...

Там разворачивается чуть ли не всеобщий лесной праздник.

Чум-Бурум, конечно, в центре внимания, он лучше всех поет, в танце выше всех прыгает. И, увлекшись, начинает смеяться над косолапым Медведем, у которого так не

получается, потом над лопоухим Зайцем и над всеми остальными. Его увещевает Дятел, но Чум-Бурум и ему говорит обидные слова. Все отворачиваются от Чум-Бурума, убегают, он остается один, бредет домой по темной лесной тропинке, просит у Ветра: "Подуй, пожалуйста, мне быстрее домой надо!" Но Ветер тоже от него отвернулся. Заночевав под кустом, он утром отправляется дальше, прыгая с тропинки на травинку, с листка на куст, но трава и листья вдруг под ним желтели, сворачивались и осыпались.

А птицы улетали прочь. Вскоре весь лес вокруг него превратился в скопище голых молчаливых деревьев. Печальный ЧумБурум ходит меж них и думает: "Хоть бы кто-нибудь живой!"

Наконец, на пожухлом листке он видит ослабевшую замерзшую бабочку, отогревает ее, поит росой, рассказывает свою историю. Бабочка, ожив, летит, показывая ему дорогу, выводит его из мертвого леса на зеленую поляну, где он видит своих друзей, у которых, конечно же, просит прощения... И лес, зазвенев, оживает. Начинают петь птицы. Теплый Ветер подхватывает Чум-Бурума...

Я замолчал. Ксенька лежала тихо, не шевелясь. Я решил: уснула, не дождавшись конца. Но тут она спросила:

- А что было потом?
- Потом ветер принес его на березу.
- А Заяц и Медведь как же?
- Они простили его.
- А если бы не простили?
- Чум-Буруму было бы очень плохо. Одиноко.

Вздохнула, попросила:

- Папа, посиди возле меня.

Сел. Она взяла мою руку, положила ладонью вверх под щеку, прижалась к ней.

- А я не буду обидно смеяться ни над бабушкой, ни над дедушкой, ни над папой, ни над мамой и ни над кем... Никогданикогда!

Говорят, перед сном у человека "работает" долгосрочная память... Как же мне хочется, чтобы сейчас это было именно как! Пусть она запомнит свои слова на все предстоящие ей годы.

Запись 10-я

НЕ РАДИ ПОХВАЛЫ

О возрасте

больших возможностей,

"допинге самолюбия"

и ощущении

внутреннего движения

До сих пор не могу понять: как это случилось? Ведь постоянно отдаю себе отчет в том, что делаю.

А тут вдруг поддался всеобщему родительскому сумасшествию: определил Ксеньку в музыкальную школу, на фигурное катание, в бассейн. Организовал занятия английским языком.

Накупил ворох детских пластинок, кипу книжек, пластилин и фломастеры, краски и альбом, стол-парту, стул с регулируемым сиденьем, цветные мелки и коробку с пластмассовыми буквами. На стене укрепил небольшую доску со счетами и ватманский лист с латинским алфавитом.

Сейчас пытаюсь вспомнить, с чего началось. И - не могу.

Слышал, конечно, вокруг разговоры о раннем развитии: такойто в три года читать начал, этот-то в пять овладел английским.

Прикидывал: а Ксенька смогла бы? Однако делать оргвыводы не спешил. Пока не обнаружил, что она знает буквы. Оказывается, Вера Ивановна научила. Ни слова нам не говоря, проводила с ней по утрам десятиминутные уроки.

Я стал шире в плечах от родительской гордости, когда Ксенька тягуче, по слогам прочла мне газетный заголовок...

Значит, действительно это возраст больших возможностей!

И мы упускаем время!

Но все-таки началось не тогда - позже. На новой квартире.

Родительский азарт во мне входил в силу постепенно. Его стимулировали события, которые сейчас могут показаться смехотворными. Тогда же они воспринимались чуть ли не как трагедия.

Прихожу с работы. Из коридора слышу: в комнате идет напряженный разговор. "Не пойду в сад все равно!" - "Тебя кто-нибудь обидел?" - "Не обидел. Не хочу и все!" - "Давай спокойно разберемся- Вы чем сегодня занимались?" - "Ничем... Просто вырезали кружочки..." - "И у тебя хорошо получилось?" - "Хорошо. А мальчишки смеялись". - "Почему?" - "Потому что у меня позже всех вырезалось..."

Потом у воспитательницы Валя узнала подробности. Группа давно занимается вырезанием, Ксенька же ножницами до детсада "стригла" бессистемно, как вздумается. И вот-отстала.

Когда Людмила Павловна спросила: "Кто не успел вырезать кружочек?", мальчишки, показывая на новенькую, дружно завопили: "Чиброва!" И она заплакала.

Наверное, я был бы меньше уязвлен, если бы меня обличили в профессиональной несостоятельности... Все-таки твой ребенок - это самая незащищенная часть твоей души... Из-за каких-то примитивных кружочков - и такие страдания! Мы взялись с Ксенькой за бесконечное вырезание кружочков, квадратов, полосок, салфеток. Потом она инсценировала эти занятия с куклами. Когда кто-то из них "отставал", увещевала: "Не надо плакать, еще научишься!" Ей, наверное, легче становилось от того, что кто-то тоже отстал.

Ксенька впервые в жизни очутилась в несемейном коллективе, должна была как-то в нем самоутвердиться. Но в первые недели ей трудно было тягаться с теми, кто ходил в детсад не первый год. И случилось вот что. Валентина в тот вечер смогла зайти за Ксенькой пораньше. Заглянув в игровую комнату, увидела: вокруг Ксеньки и еще одной девочки водят хоровод.

Людмила Павловна, заметив Валю, подошла, сказала: "Мы вашу Ксеньку с днем рождения поздравляем". "То есть как? - удивилась Валя. - У нее еще не скоро..." "А она нам сказала, что сегодня..."

Она в один из первых "детсадовских" дней видела, как очередной имениннице дарили рисунки и конфеты, водили вокруг нее хоровод. Ксене так понравилось, что она несколько раз вспоминала про это и, видимо, сжилась в воображении с представлением о том, как ее когда-то тоже будут поздравлять... Уже не смеяться, а поздравлять!.. Ей хотелось, чтобы это случилось быстрее. И вот сегодня, когда Людмила Павловна объявила, что у Марины день рождения, подошла и тихо сказала: "А у меня тоже". И хоровод завертелся вокруг обеих.

Она никогда до этого случая не обманывала. И не чувствовала сейчас обмана. Поверила в выдуманный день рождения, как однажды, глядя на своего папу, поверила, что это не папа, а медведь, не выпускающий ее из берлоги... Ей сейчас во что бы то ни стало нужны были и хоровод, и устремленные на нее дружелюбные взгляды, и упоминание ее имени. Для того, чтобы хоть на какое-то время не чувствовать себя отстающей.

Как же тяжело, наверное, было ей чувствовать себя неспособной немедленно встать вровень со всеми!.. Не слишком ли я своими "спортивными занятиями" развил в ней убеждение в том, что быть позади всех стыдно?! Но как оценить- "слишком" или не "слишком"? По каким признакам? Ведь человек должен быть достаточно самолюбив, чтобы не ронять достоинства, не позволять себе лениться... Кто может указать грань, за которой самолюбие становится чрезмерным?

На все эти вопросы я тогда так и не нашел ответа. Некогда было. Выяснилось, что Ксенька отстает еще в рисовании и лепке, хотя рисовала и лепила постоянно. Я не выдержал и попросил разрешения скромно в уголке посидеть на одном хотя бы занятии. Мне

разрешили.

Рисовали Деда Мороза. Людмила Павловна показала на доске, из каких частей состоит его фигура, научила определять пропорции. И ходила потом "по рядам", как это делают учительницы в классе, подсказывала: "У тебя шапка слишком большая... А у тебя мешок..." "Это у него столько подарков," - заупрямился тот, кто изобразил большой мешок. "Но не может же он быть больше самого Деда Мороза!" - строго заметила воспитательница. "А Дед Мороз его на машине повезет!" - продолжал мальчишка. "Рисовать надо как следует", - прекратила спор Людмила Павловна. Затем она демонстрировала самые удачные рисунки. Удачно, по ее убеждению, нарисовали те, кто наиболее точно скопировал ее Деда Мороза. "Неужели детям нельзя пофантазировать?" - спросил я ее потом. "Нельзя".

Людмила Павловна с ссылками на методику объяснила почему: иначе не разовьется глазомер, не будет твердой рука.

"А если все разовьется, а желание и умение фантазировать пропадет?" "Не знаю, - ответила она неуверенно. - Но у нас занятия по развитию фантазии не предусмотрено. И так времени на самое необходимое не хватает..."

Когда мы собирались с Ксеньей домой, в коридоре, на столике, я заметил глиняные фигурки. "Наша группа лепила", - сообщила она. Подошли ближе. "И что же это вы слепили?" - "Лису". - "А где твоя?" Ксенька, пробежав глазами по фигуркам, показала было на одну, потом - на другую, потом, заколебавшись, на третью. Она не узнавала свою лису - все фигурки были одинаковыми.

По дороге она мне рассказывала о новых подружках. Почти все они куда-нибудь "ходили": на фигурное катание, в бассейн, в музыкальную школу. "А ведь, наверное, это имеет значение для их отношений", - подумал я тогда. И спросил, сказала ли она подружкам, что занимается английским языком. "Я Марине спела по-английски, она ни-че-го не поняла!" - смеется, довольная. Так, ясно. Знает-то всего несколько стишков и песенок, а похвастаться уже приятно. Конечно, не хорошо, да ведь пройдет, я уверен. Вот только акклиматизируется в новой обстановке...

Но бассейн, фигурное катание и музшкола не шли у меня из головы. "Плавание - это же очень важно, - думал. - Закалится, покрепче будет... И коньки... Разовьется координация движений... А музыкальное образование просто необходимо!..

Сейчас она наиболее восприимчива. Сейчас и нужно ей все это дать..." Идея, овладев мной, стала материальной силой: заставляла бегать по магазинам, ходить в соседнюю музшколу, "выбивать" в заводском спорткомплексе абонемент в бассейн. А по воскресеньям к десяти утра-торопиться с Ксенькой на физподготовку по фигурному катанию. В ее "учебном углу" на стене появилась "Памятка" - куда идти, в какой день и час, чтобы не запутаться.

А занятия языком у нас начались еще до переезда. Как-то разговорились с Валиной подругой Татьяной, учительницей английского, о дошколятах, которые, как говорят, за месяцы могут усвоить то, на что в школе уходят годы. И решили: надо попробовать. Вера Ивановна и Максим Петрович отнеслись к нашей затее с прохладцей. Но первые занятия дали потрясающие результаты: Ксенька чуть ли не сразу овладела произношением. Играя с Татьяной в куклы, повторяла вслед за ней слова и фразы, пела песенки. Татьяна записала стишки и песни на магнитофон. Теперь каждое утро Ксеньки начиналось со звуков Татьянинного голоса. Правда, чем дальше, тем с меньшей охотой Ксенька слушала магнитофон и уже не сияла приветливой улыбкой, когда приходила Татьяна Ивановна. Но мы с Валею успокаивали себя: "Занятия языком должны стать такой же будничной необходимостью, как мытье".

Ко времени переезда на новую квартиру у пятилетней Ксеньки уже был какой-то запас слов. "Пора переходить к чтению", - сказала Татьяна. И в комнате на стене появился латинский алфавит, матерчатая "азбука" с кармашками, из которых торчали карточки с латинскими буквами, а на столепарте - учебник английского языка.

Два раза в неделю Ксенька с Татьяной Ивановной выкладывала на полу из карточек

слова, писала на доске, а в остальные дни, насупившись, выводила в тетради корявые буквы, иллюстрируя их кляксами. У нее все чаще с приходом Татьяны портилось настроение. Она нарочно коверкала слова. Тогда Татьяна стала сажать рядом ее игрушку- ушастого Мишку, который "очень старался". Интерес к языку у Ксеньки заметно вырос.

Но - не надолго. Старания ушастого Мишки помогали все меньше. Ксенька только насупливалась, глядя на него. Однажды Татьяна заявила, что он обогнал Ксеньку, и она, вдруг схватив его за голову, стала вырывать из рук учительницы.

Валя, услышав шум, прибежала из кухни в комнату в момент, когда ушастый Мишка трещал по всем швам, не желая переходить из одних рук в другие. Рассерженная Татьяна не выпускала его, Ксенька, заливаясь слезами, кричала: "Он плохой, плохой!"

Потом на кухне, за чаем, уложив Ксеньку спать, мы говорили о случившемся. "Нужно заниматься, играя..." - утверждал я. "Но мы этот этап прошли, - убеждала меня Татьяна. - Мы же теперь идем по учебнику..." "Неужели этот материал нельзя дать в игре?" - "Как?... Нет такой методики... И потом: язык требует усидчивости, упорства". "Может быть, надо давать ей материал меньшими порциями?" - предполагала Валя. "Можно, конечно, - вздыхала Татьяна. Но нужно загружать по способностям, иначе она не научится преодолевать трудное..."

После разговора я и в самом деле стал замечать: моя дочь старается избежать трудного. Раскрываю детскую книжку:

"Ксения, прочти вот здесь". Если слово из двух слогов - читает.

из трех - нет. "Непонятное какое-то, - тянет она и предлагает:-Давай во врачей поиграем!" "Какие врачи!-сержусь я. - Ты еще магнитофон не слушала!" "Я слушала!", - насупливается Ксенька.

Начинается длинное выяснение- сколько раз, почему только один, стыдно так лениться, нужно учиться преодолевать трудности... Дело доходит до слез... Я отправляю ее в ванную умываться, чувствуя, как весь, с головы до ног, деревянею от упрямого желания непременно, сейчас же, заставить ее:

"Иначе втянется в привычку делать все кое-как!" Ксенька возвращается, мы вместе включаем магнитофон. Идет простенький текст. Через две фразы выключаю, прошу повторить, но дочь тупо смотрит на меня: "Я не запомнила". "О каких способностях говорит Татьяна?- мелькает у меня крамольная мысль. - Не ошиблась ли?"

Заметил я и другое. В свободные минуты она начинает слоняться по комнатам, приставая к Вале с вопросами: "Мам, во что мне поиграть?" - "С куклами". - "Не хочется". - "Ну, порисуй". - "Скучно". - "Пластинки послушай". - "Надоело". - "Книжки посмотри". - "Я уже смотрела".

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы она не заболела ветрянкой... Целый месяц-дома! Абонемент в бассейн пропал, так ни разу и не использованный. Ни в детсад, ни на фигурное катание ходить не надо (музыкальную школу мы отменили сами, обнаружив, что не укладываемся "в график"). Занятия английским отложены. Через две недели Ксенька, испещренная зеленкой, счастливо улыбаясь, заявила нам, что ей очень нравится болеть ветрянкой. Сидя в постели, она рисовала, слушала пластинки (проигрыватель стоял рядом), перелистывала книжки, просматривала диафильмы, разворачивая пленки на свет, а когда ей разрешили встать, стала разыгрывать с куклами какие-то сочиненные ею самой сценки... Она уже не спрашивала, чем ей заняться!

Так не потому ли Ксенька была такой апатичной, что деятельность, организованная нами, взрослыми, ставила ее лишь в положение исполнителя?..

Это открытие поразило меня. Как же так? Ведь я был против воспитания с "позиции силы". А тут полностью оказался именно на такой позиции. Ослепление какое-то!

Я стал медленно прозревать. Это было тяжелое прозрение.

Потому что, вспоминая шаг за шагом весь путь, который прошел, чтобы оказаться на противоположной позиции, вдруг обнаружил: поддавшись всеобщему ажиотажу, я предал не только себя. Предал своего ребенка, его еще не сложившуюся личность. В организации

жизни дочери я пренебрег ее собственными интересами. Подавил в ней стремление быть самой собой. А вместе с этим - и остроту памяти, сообразительность, умение преодолевать возникшую трудность и организовать свое время. Как же легко, оказывается, перечеркнуть в себе и в своем ребенке то, что копил годами!.. Чтобы это было невозможно, видимо, следует постоянно твердить себе: у твоего ребенка-СВОИ интересы, СВОЯ особая жизнь, и не надо ее копировать с чьей-то другой.

От невеселых размышлений меня отвлекла Ксенька, пришедшая ко мне с книжкой: "Папа, почитай!" "А почему сама не читаешь?" - спрашиваю. - "Ты же умеешь!" - "Не умею".

"Нет, неправда, умеешь!" Мне вдруг приходит в голову мысль - доказать ей это. Вспоминаю: у меня в портфеле лежит новый журнал "Колобок", забыл сразу отдать Ксеньке. Предлагаю ей игру - "Записки от Чум-Бурума". Заинтересовалась.

Отправляю ее на кухню, сам быстро пишу пять записок крупными печатными буквами, разделяя слоги короткими черточками. Четыре записки прячу в разных местах, с пятой выхожу на лестничную площадку. Звоню. Ксенька открывает. "Здесь живет Чиброва Ксения?" - спрашиваю. - "Ей телеграмма из Березовки от Чум-Бурума". Вручаю записку. Ксенька бежит с ней на диван, устраивается в углу. Водит по буквам пальцем, шевелит губами. На чем-то споткнулась: "Пап, а это никак не разберу". Действительно, слишком длинное слово - пять слогов! Помогаю. Наконец, дочитывает и выясняет: "секрет" в следующей записке, а она в маленькой комнате, под магнитофоном. Идет, приподымает магнитофон. Там на самом деле белеет листок бумаги. Разворачивает. Эта записка заставляет ее искать следующую... Минут через пятнадцать из последней записки она узнает: "секрет" лежит в папином портфеле.

Открывает его и, сияя, извлекает журнал "Колобок".

Игра понравилась. Пришлось заготовить несколько комплектов записок, чтобы не запомнила наизусть. Во время третьей или четвертой игры я заметил: ее уже сам "секрет" интересовал мало (в этой роли побывали и ее старые игрушки, и конфетки, и яблоки). Одолев записку, она приговаривала себе самой: "Вот как быстро прочла!" И искала следующую. Ей стал интересен процесс преодоления? Она, видимо, после каждой записки чувствовала себя чуть-чуть иной, и это ощущение самостоятельного движения было теперь ее главным стимулом.

Но ведь так оно и должно быть в учении, именно так! Всегда так! Не результат (яблоко, конфетка или, допустим, оценка)

главное в учебной деятельности ребенка, не похвала родителей, не желание самоутвердиться в среде сверстников престижными занятиями, а ощущение самостоятельного внутреннего движения и новый опыт руководства собой, воспитания в себе новых качеств.

Да иначе, не учитывая этого, и не удастся использовать возраст действительно больших возможностей, потому что они, возможности, убывают сразу же ровно настолько, насколько проявился здесь родительский (или воспитательский) нажим.

...Я об этом пишу именно сегодня, потому что, придя с работы, увидел: Ксенька одна, в углу дивана, водит пальцем по строчкам и шевеля губами, читает Чуковского.

СЧАСТЛИВЫЕ НАС

Несколько слов

о "второй натуре"

и внутренней гармонии

человека

Как нам хочется, чтобы дети были счастливей нас!

Мы спешим оснастить их знаниями и умениями, которые, по нашему представлению, есть непременно условие счастья.

Ребенок же, "оснащаясь", нередко все меньше и меньше чувствует себя счастливым. Теряет интерес к предлагаемым ему занятиям. Одновременно в нем приглушается и способность к сопереживанию, сочувствию. Вместо эмоциональной живости - первые симптомы холодного рационализма... Откуда? Почему?

Оказывается, к воспитанию детей неприменимо простое арифметическое правило - от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Здесь - меняется! Мало того - видоизменяется. И притом - коренным образом.

А ведь всего-то-навсего поменяли местами стимулы. На первый план выдвинули необходимость самоутверждения той или иной деятельностью. Интерес же к этой деятельности отодвинули на второй или третий план. И она перестала быть содержанием сиюминутной жизни ребенка, его целью. Стала лишь средством. Цель теперь для него - похвала взрослого, завистливые взгляды сверстников, награда в виде шоколадки или трехколесного велосипеда.

Легкость управления ребенком при помощи этих стимулов соблазнительна. Но она лишает растущего человека необходимого ему на всех возрастных ступенях опыта самоуправления.

Его тщательно стимулированная деятельность (а можно достичь ювелирной точности, тончайшего мастерства в этой стимуляции!) не оставляет места для самостоятельности. Но именно эта приставка "сам" превращает занятие в увлечение, в творчество, которое растит личность. Наверное, не так уж трудно сделать достоянием всех молодых "начинающих" родителей комплекс приемов и способов, при помощи которых можно "лепить" из растущего в семье человека то, что предусмотрено неким общепринятым стандартом. Только не хочет растущий человек поддаваться этой "лепке". Он не из глины - он живой. И потому стремится - это его природное желание - "лепить" себя сам. Можно помешать ему. Можно даже на первый взгляд добиться своего: "посеять привычку -получить характер..." Говорят же: привычка- вторая натура. Но будет ли человек, обладающий второй натурой, счастлив? Сумеет ли найти гармонию в себе самом, в своих отношениях с окружающими? Или внутренняя дисгармония будет отравлять ему и его близким каждый день его жизни?

Психологи, изучающие проблемы профессиональной ориентации, обнаружили интереснейшее явление: человек, не предрасположенный по своему типу высшей нервной деятельности к работе, например, диспетчера, водителя, продавца, все-таки может приспособиться к ней. Он не становится в ней "асом", мастером, но оказывается достаточно добросовестным, старательным работником. У него даже изменяется характер: был несколько флегматичен, замкнут, малоподвижен - стал энергичен, более открыт. Словом, обрел вторую природу.

Только вторая с первой редко бывают в ладу. Невидимые постороннему глазу процессы медленно, но упорно подтачивают и здоровье человека, и его отношения с близкими. Но самое удивительное: стоит человеку даже после многих лет работы сменить специальность и начать трудиться в условиях, наиболее отвечающих типу его высшей нервной деятельности, как благоприобретенная им "вторая натура" уступает место первой.

А теперь давайте припомним: так ли уж редко встречали мы родителей (а может быть, и сами оказывались в их положении), которые изо всех сил старались подвижного по характеру ребенка одернуть, усмирить, втиснуть в некие рамки или нормы подвижности; ребенка же флегматичного, склонного к созерцательности, наоборот, без конца подталкивали к движению, в котором он не испытывал потребности?!

Утвердился в нашем обиходе даже такой термин: заорганизованность. В детском саду, в пионерлагере, в школе и, наконец, в семье жизнь детей нередко оказывается до такой степени заорганизованной, расписанной по мероприятиям, что ребенку просто некогда быть самим собой. Некогда подумать о себе: что я хочу? какой я? каким и мог бы и должен стать?

В свободные минуты, не умея организовать себя сам, он становится неуправляемой стихийной силой, приобретающей опасный опыт борьбы со скукой в уличных антимероприятиях.

Хотя - почему обязательно в уличных? Мне рассказывали, как двухлетний мальчишка то ли случайно, то ли нарочно повернул ручку балконной двери в тот момент, когда его строгая, мелочно-педантичная бабушка вышла поливать цветы.

Оставшись, таким образом, вне досягаемости, он вначале сделал то, что чаще всего

бабушка ему запрещала, - разулся и пошел по полу босиком. Затем, в меру своих сил, он стал устраивать в музейно-чистенькой, аккуратно прибранной комнате ералаш. Затем разыскал столь желанные его сердцу ножницы и с наслаждением стал "стричь" все, на что падал его взгляд.

Бабушкины уговоры сквозь стекло, ее стук, ее всплескивания руками, "ахи" и "охи", укоризненное или испуганное гримасничание только подстегивали его. Выручили бабушку соседи, сбегавшие во двор за дедушкой, игравшим там в домино: он открыл вначале квартирную, а затем и балконную дверь.

Заорганизованность может привести ребенка и к состоянию, которое называют самоотчуждением. Он перестает относиться к себе как к личности. Не осознает себя ею. Им легко управлять, потому что он одинаково быстро адаптируется в любой среде, подчиняя себя тем правилам поведения, которые там приняты. Он может остаться старательным учеником и послушным сыном, но в годы совершеннолетия и даже в середине третьего десятка своей жизни он все еще далек от своей социальной зрелости. И это при нынешней акселерации, намного ускорившей наступление психофизической зрелости!

Да, действительно, в таком разрыве отчасти виноват непомерно выросший объем знаний, которые необходимо усвоить нынешнему молодому человеку. Ведь ему придется жить за рубежом двухтысячного года. Однако объем знаний растет с каждым годом с еще большей скоростью, и становится ясным: мы не должны до бесконечности увеличивать время на подготовку наших детей к взрослой жизни. Уже сейчас, видимо, школьные и другие учебные годы необходимо так уплотнить и так построить процесс обучения и воспитания, чтобы психофизическая зрелость совпадала со зрелостью социальной. Только тогда включение в активную трудовую жизнь у каждого молодого человека будет проходить достаточно органично и своевременно.

Именно поэтому мы должны внимательнее всмотреться в те возможности, что таит в себе дошкольное детство. Все ли они и правильно ли нами используются? Речь идет не об искусственном ускорении развития, а о том бессистемном, от случая к случаю, образовании, которое (хотим мы этого или не хотим) получает дошкольник в семье и детском саду. Получает нередко из неумелых рук.

Родителям (молодым - в особенности), бабушкам и дедушкам (ставшими таковыми недавно) крайне необходимы знания о том, как организовать познавательную деятельность ребенка, строить с ним отношения, находить истинные причины возникших конфликтов, решать множество сложных вопросов не только воспитания, но и образования. И что самое важное - взрослых, воспитывающих дошкольника, необходимо учить играть с ним. Организовывать проблемную игровую ситуацию.

Насыщать игру познавательным материалом. Уметь "подключаться" к условно-образному мышлению растущего человека, не мешая, а способствуя работе его воображения.

Тщательно разработанная программа и методика семейного дошкольного воспитания помогут отчасти сократить и тот разрыв в развитии детей, который случается обнаруживать у первоклассников, пришедших из разных семей. Слишком большая разница в подготовке детей к учебе, как показывает печальный опыт, у одних порождает "комплекс превосходства", у других - сознание своей "усредненности". Отсюда нередко берет начало соревновательность, порождающая тщеславие, стремление к знаниям (точнее, к отметке за них)

как к способу самоутверждения. Именно отсюда начинается потребительски-расчетливое отношение к близким и не близким людям, к себе самому, наконец, к своим способностям.

Но утратить истинный, непосредственный интерес к познавательной деятельности ребенок может еще до школы, если родители и воспитатели детского сада, куда он ходит, не научились облекать эту деятельность в игру-преодоление, в игру-труд.

"Присмотримся внимательно, - писал В. А. Сухомлинский, - какое место занимает игра

в жизни ребенка, особенно в дошкольном возрасте. Для него игра - это самое серьезное дело. В игре раскрывается перед детьми мир, раскрываются творческие способности личности. Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития".

...Мы очень хотим, чтобы наши дети прожили жизнь счастливее нас. Но не в наших силах подарить им это счастье.

Только они сами -образом своей жизни, степенью ее духовности и творчества- могут сделать себя счастливыми. Мы же можем лишь помочь им содержанием своей жизни, характером своего общения с ними - открыть необходимую истину настоящее счастье-в умении самому растить свою личность, в стремлении отдавать ее духовные богатства живущим возле тебя--взрослым и не взрослым-людям, в желании стать опорой для растущего рядом человека.

Запись 11-я

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

О "законе сохранения духовной энергии" и соучастии в творчестве личности

Ей уже шесть. Недавно она, заворачивая в платок пластмассового кукленка, спросила бабушку:

- У меня будут дети?

- Будут, -успокоила ее Вера Ивановна.

А как-то проснулась с громким плачем. Встревоженный, бегу к ней в комнату. Сидит в постели, размазывая по щекам слезы. "Упала?" - спрашиваю. "Не-ет!" - "Что-нибудь болит?" Мотает взлохмаченной головой, утыкается мне в плечо, горько всхлипывая, и вдруг выговаривает:

- Почему со мной ничего не случается?

Приглаживаю ее вихры. Осторожно интересуюсь.

- И что же с тобой не случается?

Голос ее дрожит от обиды, когда она объясняет.

- У Иванушки вон сколько случаев, а у меня -ничего!..

Вот чем, оказывается, обернулось ее увлечение известной сказкой Ершова "Конек-горбунок"! Вначале мы ей эту сказку читали. Сейчас она читает ее сама. Любимая игра у нее с дедом: скачет по комнате, изображая конька-горбунка, пронзительно вопя "и-и-иго-го!", дед же в роли простоватого Иванушки...

А накануне в субботней передаче "В гостях у сказки" шел фильм о коньке-горбунке. Ксенька смотрела, не отрываясь.

- Тебе что-нибудь приснилось? - спрашиваю.

Путанно рассказывает. Твердо уясняю одно: снился Иванушка. Такой, каким она его видела вчера по телевизору в конце фильма: молодцеватый, улыбчивый, рядом с красавицей-невестой.

- Я хочу на нем жениться, - уже немного успокоившись, сообщает мне дочь.

- Ну и хорошо, - говорю, - вырастешь, встретишь своего Иванушку и выйдешь за него замуж.

- Да, но он-то уже женился, - отвечает Ксенька все с той же, не до конца выплаканной обидой.

- Ты встретишь другого. Он будет еще лучше.

- Но он будет уже не такой, - резонно возражает мне Ксенька.

...Ей не нужен тот, который - лучше. Она грустит по тому, к которому успела привязаться.

Первая любовь?

Нет, пожалуй. Уже не первая. Первая началась, судя по моим записям, примерно два года назад. В Доме игрушки. Приехал с ней туда 7-го марта, сказал: "Куплю то, что

выберешь".

Шли вдоль полок. Ксенька вначале ринулась было к коню на колесиках: "Купи!". "Ладно, - говорю, - только давай дальше пройдем, посмотрим". Увидела красивую куклу- тут же забыла про коня. Наткнулась на велосипед забыла про куклу.

Так продолжалось, пока мы не пришли в последний зап. Там, на полке, кучкой лежали медвежата-ногами к нам. Подошли ближе. "Нет, не нравится, заявляет Ксенька, - у меня есть уже ушастый Мишка". "Тот маленький, говорю, - а этот большой. Давай посмотрим." Поднял одного из мишек, посадил. Его тяжелая голова качнулась, будто кивнула (этакий толстоватопростодушный увалень с пуговичными глазами). Вот он еще раз кивнул широколобой башкой и сказал моим голосом: "Здравствуй, Ксения!" Ксенька вдруг застеснялась и тихо ответила:

"Здравствуй". "Поздравляю тебя с 8-м Марта!" - "Спасибо".

Мишка наклонился к ней ближе, потянулся толстыми лапами. Ксенька обхватила его обеими руками и - ко мне: "Купи!"

Купи". "Ладно, только пойдем, досмотрим". Оставили мишку.

Стали разглядывать слона-плоского, как поднос, с ушами, похожими на блины. Потом зайца с розовым бантом на шее.

Потом жирафа... "Нет, не нравится, пойдем!" -тянет она меня за руку обратно. Вернулись. Она обняла мишку и не выпускала, пока у кассы его не упаковали в полиэтиленовый пакет.

В троллейбусе она повернула его мордой так, чтобы он сквозь полиэтилен смотрел в окно на улицу. И приговаривала:

"Вот это дома. Это люди домой идут к своим детям. Это мост и речка. Сейчас мы на метро поедem. Ты у меня теперь будешь жить. Тебе понравится". Дома не выпускала его из рук. После долгих уговоров дала поддержать маме и тут же отобрала. - Ужинала, усадив его рядом. Спать уложила возле своего диванчика на полу, на диванной подушке. Свешивалась и спрашивала: "Тебе удобно, да?.. Ну, спи-спи".

Теперь каждый июнь, когда мы собираем на все лето Ксеньку в Березовку, у нас разыгрывается такая сцена. Стараемся взять игрушки малогабаритные. Но Ксенька упорно приносит Большого Мишку. "Он слишком большой, уговариваю ее, - в рюкзаке места нет. Давай оставим". Вначале соглашается. Потом, в конце долгих сборов, приходит на кухню со слезами: "Пусть и мишка с нами... Я его на руках повезу!"

Приходится соглашаться.

Однажды она сказала мне: "А правда, у него лицо доброе?!" Время от времени просит: "Расскажи, как мы его купили". Рассказываю. Она слушает, держа Большого Мишку на коленях. Гладит его. Видимо, заново переживает радость первой встречи. После рассказа становится очень деятельной: бежит к Кузькиной клетке - менять воду и корм. Идет на кухню, спрашивает у мамы: "Тебе помочь?" Мне предлагает: "Хочешь, нарисую что-нибудь?" Знает: я коллекционирую ее рисунки.

Или звонит дедушке с бабушкой, долго говорит с ними. Все вокруг кажутся ей в такие минуты хорошими - и Кузя, и родители, и подружки, с которыми она во дворе играет в "спортивную школу".

Возвращаясь с работы, я часто останавливаюсь во дворе, наблюдаю. Ксенька, увлеченная игрой, не подходит-некогда: она с подружками то бегаем по кругу, то прыгает. Подружек две- Люся и Мила. Люся щуплая, подвижная, подхватывает любую затею. Мила рассудительная, не любит чрезмерно суматошных игр, может отказаться в самый их разгар. Ксенька ее упрашивает. Потом- обижается. Мила начинает ей казаться неуклюжей, скучной. Дома говорит мне про нее: "Прыгает хуже всех. И бант на голове- как капустные листья..." Но стоит Миле активно включиться в их игру, как уже и бант у нее становится похожим на ослепительно красивую бабочку и ее бег с прыжками выше всяких похвал.

Эти "маятниковые" отношения вначале забавляли меня.

Потом стали беспокоить. Чужая непохожесть вызывала в Ксеньке желание подогнать

под свой образец чью-то индивидуальность.

Такое желание говорит о предрасположенности к деспотической любви. Хотя не парадокс ли-деспотическая любовь?

Ведь она обращена не на живого ОСОБЕННОГО человека, а фактически на самого себя. Ведь тот, кто склонен к деспотической любви, видимо, лишь переносит на другого идеализированное представление о самом себе.

Конечно, отождествление себя с близким тебе человеком, лежит в основе всякой привязанности. Без такого отождествления трудно научиться сочувствию. Где здесь граница, за которой отождествление становится искажением действительного облика другого человека? Как научить ребенка умению чувствовать без соблазнительного желания подчинять своему чувству?..

Заметил: чем Ксенька старше, тем терпимее, мягче становится в общении с нами, взрослыми. Раньше, года в три, бывало, когда очень занят, отказывался с ней играть, мгновенно становилась враждебной, говорила: "Плохой!". Сейчас вздохнет, спросит с надеждой, глядя на стол, заставленный чертежами: "Перерыв будешь делать? Тогда поиграем?"

А может быть, это мы, взрослые, становимся терпимее к ней, к ее особенностям?! И ее мягкость- отражение нашей повзрослевшей и помудревшей любви к ней?!

Как-то в "Комсомольской правде" читал беседу с известным тренером Татьяной Тарасовой. Ее признание поразило меня. "Их надо любить, говорила она о молодых фигуристах. - Только в любви люди могут быть соединены в одно целое, сохраняя при этом свою индивидуальность".

Да, да, именно так! Только в истинной, не деспотической любви и возможно наиболее полное духовное общение, в котором каждый становится соучастником в творчестве личности близкого тебе человека.

Как-то в Березовке мы с Ксенькой бродили по лесу. Она ловила кузнечиков, сажала в стеклянную банку, через лупу разглядывала их. Это было ее новым увлечением. Длинноногие насекомые отчаянно бились в стекло. Говорю Ксеньке: "Они, наверное, сейчас думают, что их заколдовала сердитая волшебница: вокруг ведь все видно, а прыгнуть нельзя. Стучаются о стекло и не понимают, что это прозрачная стена". Ксенька вначале над этим посмеялась. Потом пожалела пленников - выпустила. Идем дальше. Она смотрит по сторонам и фантазирует: "А вот те маленькие деревья знают, что мы их ветки не ломаем... Знают, что мы их любим..."

Мы вышли на крутой спуск к речке. За ее крутым изгибом открывалась даль- леса до самого горизонта. "А что за тем лесом?" - спросила Ксенька. "Наверное, поля, и села, и города". "А еще дальше?" "Горы и моря... Вся наша страна". "Такая большая?" "Да". Помолчала, подумала. Сказала решительно:

"Я вырасту и всю ее посмотрю." "Ладно", - согласился я, и мы пошли обратно. Мы прошли полянку, на которой Ксенька ловила кузнечиков. Они с треском выпархивали из-под ног, и Ксенька говорила им: "Не бойтесь, мы вас не тронем. И никому не разрешим", Они на ее поляне, в ее лесу, в ее большой стране принадлежали ей, и она считала себя обязанной защищать их. Потому что они были уже как бы частицей ее любящей души.

...Сегодня пришел с работы усталый и хмурый. Ксенька стала допытываться - почему. Мои уклончивые ответы ее обескуражили: привыкла к действию, дающему почти немедленный результат. А тут ни ее расспросы, ни ее попытки расшевелить меня рассказами о подружках не действуют. Притихла, наблюдая за тем, как пью чай. И вдруг в ее глазах что-то мелькнуло.

Подобравшись, чуть откинув голову, негромко стала произносить стихотворные строчки: "Белеет парус одинокий в тумане моря голубом. Что ищет он в стране далекой? Что кинул он в краю родном?.."

Тут же вспомнил: листали с ней книжку со стихами, и она спросила, зачем их читают друг другу наизусть? "...Чтобы передать человеку новое настроение, новую мысль", -

ответил.

Видно, запало ей в память. И вот решила- поправить мое настроение Лермонтовскими стихами.

"Под ним струя светлей лазури, - читала она все звонче и громче, глядя на меня озорными глазами, -над ним луч солнца золотой, а он, мятежный, ищет бури..."

Ну как тут было не отозваться на ее духоподъемный энтузиазм хотя бы улыбкой!

Дочитав до конца, она засмеялась, довольная: "Развеселился, да?! А я так и знала, что развеселишься!"

Наверное, тут действует какой-то особый "закон сохранения духовной энергии". Иногда, в минуту усталости, кажется: впустую тратишь себя в общении. Что-то говорил ребенку, чемто делился, а видимых изменений нет. Но вот нечаянное столкновение обстоятельств словно бы высекает искру, короткая ее вспышка высвечивает то, что было незаметно глазу. И твои душевные траты вдруг возвращаются к тебе "половодьем"

юных чувств, горячим блеском родных глаз, звонким голосом...

Я смотрю на оживленное лицо своей дочери, и странное удивление охватывает меня: шесть лет назад этого существа не было на свете! А сейчас оно есть... Оно самостоятельно чувствует, думает, любит... Оно выросло из наших с ним отношений, из нашей любви к нему... И - сделало меня другим человеком. Таким, каким я должен был стать. И каким никогда не стал бы, если бы не росло со мной рядом это беспокойное, такое дорогое мне существо.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В описанных здесь семейных событиях нет выдумки. Все они зафиксированы с точностью документа- год, число и даже время дня - в трех объемистых папиных тетрадах. "Извлекая" их оттуда, я лишь, с позволения своего знакомого, не указал чисел и, конечно же, изменил имена.

Возможно, рассказанное в дневниковых записях вызовет у читателя желание что-то посоветовать папе, в чем-то не согласиться с ним, дать свое объяснение поступкам его ребенка. Это можно сделать в письмах. Любое читательское мнение наверняка будет интересным и полезным папе. Ведь впереди у него еще немало сложных педагогических ситуаций.

Его дочь, названная здесь Ксенией, пережив трудный детсадовский период "врастания в коллектив" (об этом - третья, почти не цитированная здесь, тетрадь), пошла в нынешнем году в школу. И повзрослевший вместе с ней папа, которого уже не назовешь молодым, завел следующую, четвертую тетрадь.

О чем там будут записи? Видимо, о том, как начнут складываться отношения семьи Чибровых со школой... Какие трудности придется преодолеть родителям, чтобы между ними и учителями возник "рабочий контакт"... Выяснится, что мешает ребенку быстро и безболезненно перейти от семейно-детсадовского уклада жизни к семейно-школьному... И как придется менять родительский уклад маме и папе.

Разговор обо всем этом еще впереди.